

Церковнославянский
язык:
круг понятий

Conceptions
of Church Slavonic

Гельмут Кайперт

Рейнский университет
им. Фридриха Вильгельма
Бонн, Германия

Helmut Keipert

University of Bonn
Bonn, Germany

Резюме

Церковнославянский в наше время — это “язык без носителей”, но он не во всех отношениях “мертвый”. Именно по этой причине он получил у славян разнообразные названия, различное использование которых в филологических публикациях во многом зависит от соответствующих коннотативных (национальных, идеологических и т. д.) намерений авторов. Описание этого языка, как правило, основано на анализе письменных и печатных текстов. Лишь недавно в научный оборот были введены некоторые новые корпусы, дополняющие хорошо известную группу “классических” старославянских рукописей, которые при всем своем авторитете в истории славистики могут дать лишь очень приблизительное представление о богатстве языковой традиции церковнославянского языка в целом, так как в качестве средства реальной (устной) коммуникации этот язык сегодня можно наблюдать только в богослужении. В статье обсуждаются основные лингвистические концепции, применявшиеся к церковнославянскому языку в прошлом и настоящем (праязык, общий язык, литературный язык, язык-расширение и др.); выделяются различные бинаристские подходы, в которых церковнославянский противопоставляется разговорным идиомам; дается обзор многочисленных внутриязыковых вариантов (связанных с определенным регионом, эпохой, функцией, личностью или группой); обращается внимание на роль реконструкции в современных изданиях церковнославянских текстов и в учебной литературе, а также на часто игнорируемую роль языкового конструирования в ранних церковнославянских грамматиках и словарях; наконец, обсуждается возможность описания

церковнославянского языка как модели для сравнительного изучения структурного разнообразия славянских языков в его эволюции.

Ключевые слова

церковнославянский язык, старославянский язык, варианты языка, лингвистические концепции

Abstract

In our time Church Slavonic is a “language without native speakers,” but it is not in all respects a “dead” one. It is for this reason that the Slavs have given it a great variety of names, the different use of which in philological publications heavily depends on the respective linguists’ connotative purposes (e.g., national and ideological interests and so forth). As a rule, the description of the language is based on the analysis of written or printed texts. Only recently have a few additional corpora been introduced in addition to the well-known group of “classical” Old Church Slavonic manuscripts, which, for all their merits in the history of Slavistics, can give only a vague idea of the rich language tradition of Church Slavonic as a whole, since, as a means of actual (oral) communication, it can nowadays be observed only in the liturgy. The article discusses the main linguistic conceptions applied to Church Slavonic in the past and present (root language, i.e., proto-language, common language, literary language [*Schriftsprache*], *Ausbau* language, etc.); singles out binaristic approaches in opposition to vernaculars; gives an overview of the numerous varieties to be differentiated within the language (connected to regions, chronology, functions, individuals, and groups); recalls the role of reconstruction in modern textbooks and the widely neglected construction devices used in early grammars and dictionaries; and, at the end, refers to the possibility of including Church Slavonic as a model for comparative judgments on degrees of diversity in the structural development of Slavonic languages.

Keywords

Church Slavonic, Old Church Slavonic, language varieties, linguistic conceptions

От редакции

Научная редакция журнала “Словѣне” приняла решение о публикации русского перевода статьи проф. Г. Кайперта “Kirchenslavisch-Begriffe”¹ по двум основным причинам. Во-первых, перевод обобщающей концептуальной работы на другой язык неизбежно обогащает этот язык новым категориальным аппаратом: редакция уверена, что благодаря переводу русский терминологический инструментарий славистики обогатится новыми продуктивными понятиями²; во-вторых, публикация статьи на русском языке в

¹ Впервые в: [KEIPERT 2014].

² Существенные различия между немецко- и русскоязычной традициями в терминологии церковнославянского языка побудили нас рядом с переводом того или иного термина нередко помещать в скобках его эквивалент из оригинала статьи. (Если иное не оговорено, здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчице.)

международном журнале с открытым доступом несомненно расширит аудиторию её потенциальных читателей. Редакция приносит свою глубокую благодарность издательству “De Gruyter” за любезное разрешение опубликовать перевод. Предлагаемая статья была изначально задумана редакторами справочника и автором как общее введение в специально планируемые тогда более или менее обширные статьи обо всех редакциях церковнославянского языка, и лишь по этой причине может показаться, что многие обсуждаемые здесь проблемы рассмотрены недостаточно глубоко. Автор статьи передаёт переводчице свою искреннюю благодарность как за сделанные ею библиографические дополнения, так и — прежде всего — за её предложение перевести статью на русский язык, за тщательное и добросовестное осуществление этой идеи и за содержательные замечания, способствовавшие улучшению самого текста.

От научной редакции — Р. К.

Оглавление

1. Предварительные замечания	11
2. Церковнославянский как “язык без народа” (“Sprache ohne Volk”)	12
3. Термин <i>церковнославянский</i> как обозначение языка	13
4. Церковнославянский как славянский праязык (slavishe Ursprache)	15
5. Церковнославянский как язык корпуса текстов (Korpusprache)	17
6. Церковнославянский как элемент противопоставления (Oppositionsbegriff) .	20
7. Церковнославянский как общеславянский (литературный) язык (Gemeinsprache)	23
8. Церковнославянский как литературный язык (Schriftsprache)	25
9. Церковнославянский как язык-расширение (Ausbausprache)	29
10. Периодизация и диахронические (исторические) разновидности	31
11. Диатопные (региональные) разновидности	33
12. Диафазные (функциональные) разновидности	40
13. Индивидуальные и групповые разновидности	43
14. Церковнославянский как “реконструкт” (rekonstruiertes Kirchenslavisch)	45
15. Церковнославянский как конструктор (Konstrukt)	45
16. Церковнославянский как язык-эталон (Etalonsprache)	47
17. Библиографическая ситуация	49
18. Библиография	51

1. Предварительные замечания

Церковнославянский язык (далее: ЦСЛ) используется сейчас исключительно в качестве языка богослужения, в первую очередь у православных славян и славян-униатов (русских, украинцев, русинов, белорусов, болгар, македонцев и сербов), кое-где также в богослужении Римско-католической церкви у хорватов и чехов. Создан этот язык был на болгарско-македонской диалектной основе в середине IX в. для целей византийской миссии в Моравии. Во главе миссии патриарх Фотий в 860 г. поставил братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, которые, будучи уроженцами Салоник, владели языком-диалектом славянского населения региона. Вслед за переводами, сделанными в миссионерских целях этими, как их обычно называют, апостолами славян и их сотрудниками, создавались переводы авторитетных сочинений с греческого (реже — латинского и древнееврейского, в одном случае — древневерхненемецкого) и одновременно — оригинальные сочинения славянских авторов. Так по мере распространения христианства на Балканах и у восточных славян возникла постоянно растущая письменность преимущественно церковно-религиозного содержания, которая поставила ЦСЛ в один ряд с греческим и латынью как основными языками европейского Средневековья, ср.: [Grasjotti 2006: 192–222]. ЦСЛ обладает более чем тысячелетней языковой и литературной традицией — от древнейших южнославянских рукописей X–XI вв. вплоть до нынешних русских церковных печатных книг. Удивительная устойчивость этой традиции проявляется, в частности, в том, что Евангелие и Псалтырь русского православного богослужения до сих пор, за исключением сравнительно немногих изменений, сохраняют текст IX в. Кроме того, благодаря своей древности церковнославянские тексты позволяют лингвисту наблюдать некоторые явления раннего состояния славянского языка, которые в других регионах Славии, где письменность запаздывала, уже недоступны наблюдению. Большой лингвистический интерес церковнославянская письменность представляет, наконец, как чрезвычайно богатый, хотя и во многом недооцениваемый источник многочисленных заимствований в славянские национальные языки, в первую очередь в русский. Современный статус “языка без народа” сделал ЦСЛ для славистики феноменом *sui generis*, поэтому в данной обзорной статье, предваряющей статьи с описанием функционирования ЦСЛ в ряде отдельных славянских регионов³, предлагается характеристика более общих надрегиональных культурно-языковых концепций, которые были созданы в науке для

³ В разделе “Церковнославянский язык” справочного пособия “Die slavischen Sprachen” вслед за этой, обзорной, работой Г. Кейперта помещены статьи: [Miklas, Sadovski 2014; Živov 2014; Reinhart 2014; Ziffer 2014; Trunte 2014; Marti 2014; Bujukliev 2014].

исследования текстов, относимых к церковнославянской письменности, а затем дается представление об основных разновидностях ЦСЛ, которые стоило бы различать.

2. Церковнославянский как “язык без народа” (“Sprache ohne Volk”)

От других славянских письменных языков ЦСЛ отличается прежде всего тем, что за время своего существования он стал “языком без народа” и поэтому не может быть определен с точки зрения конститутивного отношения к одной из славянских языковых общностей, подобно тому как мы определяем украинский как язык украинцев или болгарский как язык болгар. Не существует “церковнославян”, языком которых мог бы считаться ЦСЛ и которые становились бы его носителями в результате естественной социализации. Поэтому и нет людей, которые так же безоговорочно отождествляли бы себя с текстами, относимыми к ЦСЛ письменности, и испытывали бы к ним такую же эмоциональную привязанность, как сербы или словаки в отношении, соответственно, сербской или словацкой письменности и языкового наследия. За пояснениями, потребность в которых возникает нередко, мы вынуждены обращаться не к носителям ЦСЛ, владеющим им как родным, а — как и латинист в занятиях классической латынью — в лучшем случае к знатокам данных текстов (о границах сравнения ЦСЛ с латынью ср.: [КЕИРЕРТ 1987]). Не находится места для ЦСЛ и среди национальных языков, с XIX в. распрелившихся — в принципе без лакун и пересечений — по славянской территории. На языковых картах ЦСЛ можно представить разве что как своего рода “второй язык” с богослужебной функцией (ср. несколько проблематичное представление средневековой сферы его распространения в: [МАРЕЃ 1990: 2255]). В XX в. под действием как усиливающейся секуляризации, так и национально-филологической рефлексии ЦСЛ как таковой отошел в тень — частично по причине содержания, так как связанная с этим языком церковно-религиозная письменность утратила, как многим казалось, актуальность, а преобладающие в ней переводы содержали, на первый взгляд, мало национальной специфики; частично же потому, что под “присваивающими” именованиями эта письменность причислялась к той или иной национальной литературе. Проблемы обозначения и дефиниции ЦСЛ (ср. п. 3 и 5), порождаемые отсутствием у него естественных носителей, не в последнюю очередь связаны с тем напряжением, которое существовало (и еще существует) между наднациональным характером распространения текстов на ЦСЛ и частными патриотическими интересами современных национальных филологий, не говоря уже о последствиях временами решительно атеистических направлений в культурной политике отдельных стран.

3. Термин *церковнославянский* как обозначение языка

Название *церковнославянский*, которое используется в этой работе, призвано терминологически подчеркнуть ту тесную внутреннюю связь, которую обнаруживает церковнославянская языковая и литературная традиция от кирилло-мефодиевских миссионерских переводов IX в. до современных богослужебных текстов православных славян, старообрядцев, униатов и частично славян-католиков. Такой терминологический выбор имеет то преимущество, что легко позволяет (из историко-научных соображений) выделить уточняющим термином *древнецерковнославянский* древнейшие памятники, не нарушая при этом представления о преемственности языковой традиции, которая проявляется в продолжающемся более тысячи лет использовании определенных богослужебных текстов на ЦСЛ, ср.: [Рисню 1967: 1532; Пиккио 2003: 403–428]. Это представление, безусловно, несколько смазывается в двойственной, принятой, в частности, в России терминологии: с одной стороны, *старославянский* для древнецерковнославянского корпуса, а с другой стороны, *церковнославянский* для позднейшего ЦСЛ (иногда также *древнеславянский*, если он не включает упомянутого корпуса) (ср. для времени до 1917 г.: [Булич 1893: 130]; о вопросах терминологии советского и постсоветского времени см., например: [Толстой 1961: 34–52; Касаткин 1990; IDEM 1997; Герд 1998: 3–5; Супрун, Молдован 2005: 29]). Диссоциация усиливается, если авторы исходят из того, что (в синхронной перспективе родного языка) *старославянский язык* (Altkirchenslavisch) и *церковнославянский язык русского извода* (Russisch-Kirchenslavisch) представляют собою две различные языковые системы [ХАБУРГАЕВ 1984: 20 и след.]. Представление о преемственности церковнославянской традиции не находит поддержки и в Болгарии, где принято различать, с одной стороны, *старобългарски книжовен език* с многочисленными его редакциями до XVI в. и, с другой стороны — с середины XVII в. — *черковнославянски / църковнославянски език*, употребляемый в России или оттуда исходящий (ср., в частности: [Филкова 1988; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999, 231–255]). Заметной чертой ЦСЛ как самостоятельного славянского языка *sui generis* является также то, что даже для языка древнейших его рукописей в науке существует несколько конкурирующих обозначений и время от времени разгораются дискуссии о том, какое из них лучшее или даже единственно верное, ср.: [Копыленко 1966; Иванова-Мирчева 1969; Кронштейнер 1985] и др. В такого рода расхождениях, которые в особенности резко обнажились во время русско-болгарских разногласий 1985 г. вокруг Святославова (или Симеонова?) изборника 1073 г. [Венедиктов 2007], речь идет не столько об усовершенствовании терминологии (чего, без

сомнения, можно было бы достичь в рамках любого из двух конкурирующих вариантов), сколько об использовании или неиспользовании тех коннотативно-когнитивных возможностей, которые связываются или могут быть связаны с данными обозначениями ЦСЛ. Каждое из них способно, помимо первичной своей функции обозначения данного текста или корпуса текстов, приобретать определенный дополнительный акцент, предсказуемым образом влияющий на восприятие. И в специальной литературе на немецком языке встречаются разные обозначения этого языка-объекта, которые обращают внимание читателя на разные дополнительные его аспекты. Термин *altslavisch* ‘старославянский’ подчеркивает, что в данных текстах явлены древнейшие формы славянского языка и что их язык ближе к не дошедшему до нас праславянскому, чем любой другой славянский язык, ср.: [VIELFELDT 1961: 21]. Термин *altbulgarisch* ‘древнеболгарский’ (ср., в частности: [AITZETMÜLLER 1991]) или *altmakedonisch* ‘древнемакедонский’ заставляет думать, что возникший на македонско-болгарской диалектной основе язык данных рукописей должен рассматриваться как этап исторического развития болгарского или македонского языка — развития, ведущего от этих древнейших свидетельств через средний период (который следует понимать как переходный) к современному состоянию. Напротив, термин *altkirchenslavisch* ‘древнецерковнославянский’ (ср., например: [TRUNTE 2003]) указывает на то, что речь идет о языке древнейшей церковно-религиозной письменности славян (главным образом православных), наследники которого могут быть, как говорилось, терминологически ясно обозначены как средний церковнославянский и новый церковнославянский современного богослужения (не только) славянского православия (ср. п. 10). В заголовке знаменитого пособия А. Лескина “Handbuch” появляются даже все три мотива: в немецком оригинале *древнеболгарский* (*altbulgarisch*) дублируется в скобках термином *древнецерковнославянский* (*altkirchenslavisch*), в то время как в русском переводе А. Шахматова и В. Щепкина фигурирует *старославянский язык* [LESKIEN 1886; ЛЕСКИН 1890]. Показательно также, что Р. Айтцетмюллер [AITZETMÜLLER 1991: ix и след.], предпочитая в целом термин *древнеболгарский*, в своем предисловии говорит именно о том, что он соответствует скорее термину *древнеславянский* (*altslavisch*) или *древнецерковнославянский* (*altkirchenslavisch*) (об этой терминологической множественности едва ли не во всех языках славистической литературы см. из чешской перспективы: [VEŠERKA 1984: 32], из русской — [МОЛДОВАН 1986: 239]). Не следует при этом забывать, что заметное в публикациях советского времени стремление избежать термина *церковнославянский* и других подобных слишком явно связанных с церковью и религией выражений имело и идеологические причины

[Робинсон 1998: 127; КЕИПЕРТ 2006в] и привело к довольно устойчивому употреблению разнообразных терминов-заменителей — *древнеславянский язык*, (*древний*) *общеславянский литературный язык*, *первый литературный язык славян* и под. В последнее время, похоже, в употребление вновь все более входит *церковнославянский* (ср., в частности: [УСПЕНСКИЙ 1984] и категорический отказ от терминов *старославянский* и *древнеславянский* как от “неудачных” в работе [ВЕРЕЩАГИН 2001: 606]). В отличие от только что названных, обозначение *славяно-русский*, используемое, в частности, в заголовке “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.” [ШМИДТ 1984] и продолжающих его изданий, не подразумевает, как можно было бы подумать, конкуренции с *церковнославянский*, но должно пониматься скорее как копулятивное сложение, отвечающее задаче охватить “памятники русской и славянской письменности”, ср. [ЖУКОВСКАЯ 1969]; в последнее время, однако, *славяно-русский* все чаще используется как название языка в значении *церковнославянский* (ср. попытку разграничения в работе [ВЕРЕЩАГИН 2001: 197, примеч. 103]).

Глоттоним *kirchenslavisch* и параллельные ему *церковнославянский* и (чуть позднее) *славяноцерковный* появляются уже в начале XIX в. Русские прилагательные возникли, очевидно, в качестве копулятивных сложений из традиционного старого обозначения *славянский* (*словенский*) язык и известного с начала XVIII в. *церковный язык*, когда (в частности, в работах: [ВОСТОКОВ 1810; ИДЕМ 1820] потребовалось терминологически точно назвать, не смешивая между собою — в отличие еще от [SCHLÖZER 1802], — и язык церковных книг, со времени петровских реформ отличавшихся своим шрифтом от гражданских изданий, и не сохранившийся, однако с растущей вероятностью реконструируемый общий пра-образ [Urform] славянских языков (ср., в дополнение к [ГОРШКОВ 1987: 8 и след.; КЕИПЕРТ 1998; ИДЕМ 2006а: 52–58]). Примерно в то же время или, возможно, чуть позднее, в русском языке появляется термин *старославянский* (язык) (вероятно, не без влияния слабо разграниченных обозначений *Altslavonisch* и *Slavonisch*, принятых уже у Шлёцера). Тогда же делаются первые попытки найти русский термин для ‘altbulgarisch’, а именно *древний славеноболгарский* [ИДЕМ 2004: 497].

4. Церковнославянский как славянский праязык

В прежнее время представления об историчности ЦСЛ, по-видимому, не существовало; напротив, церковнославянские тексты столетиями сохраняли для их читателей и слушателей удивительный “потенциал современности” [ТОЛСТОЙ 1961: 55], не допуская исторической перспективы, ср.: [МАРТИ 1987а]. Об архаичности этого языка впервые,

пожалуй, заговорили наблюдатели-неславяне и — вероятно, по аналогии с западноевропейской ренессансной моделью возникновения романских языков из латыни — видели в ЦСЛ общего предка славянских языков, ср., в частности, различие у Лудольфа *Russica dialectus / lingua Slavonica* и обозначение последнего как одной из *diversarum dialectorum matres* [LUDOLF 1696: 4, или A1]. Такое отождествление ЦСЛ и праславянского не было редкостью вплоть до начала XIX в., хотя уже в 1764 г. в полемике со Шлёцером оно было справедливо отвергнуто Ломоносовым [УСПЕНСКИЙ 1988в], отчетливо различавшим *antiqua Slaveno-Moravica lingua* и *antiqua lingua Slavica*. Тем не менее в 1802 г. Шлёцер повторил свою точку зрения, вызвав решительное противодействие (1806) со стороны Добровского (ср.: [КЕИРЕРТ 2006а]), который своим контррезисом о ЦСЛ как отдельном славянском языке, а именно сербском, в свою очередь спровоцировал длительную полемику о региональных истоках ЦСЛ. Во второй половине XIX в. эта контроверза завершилась утверждением в качестве *communis opinio* обсуждавшейся уже в 1771 г. Шлёцером и поддержанной в 1820 г. Востоковым (македонско-)болгарской гипотезы. В формулировке Добровского, полагавшего, что лишь нынешний сербский мог быть “образован и преобразован” (*gebildet und verbildet*) из ЦСЛ, можно, вероятно, видеть поздний рефлекс “коррупционной” теории в романистике, согласно которой романские языки в основе своей представляют испорченную латынь; в 1816 г. также Ст. Стратимирович характеризует сербский как со временем утративший чистоту ЦСЛ [COSTANTINI 1972: 215].

По своему характеру язык древнейших церковнославянских текстов, несомненно, стоит в ряду отдельных славянских языков, и тем не менее при ретроспективном взгляде он столь архаичен, что сравнительно-историческим языкознанием может использоваться как надежная основа для реконструкции ряда праславянских структур, ср.: [АЙТЗЕТМÜLLER 1991], а в классической индогерманистике (индоевропеистике) он нередко служил представителем славянской группы. При проспективном взгляде из древности подчеркивается, что древнейший ЦСЛ представляет собою якобы ветвь общеславянского, промежуточного между этапом усилившейся дифференциации праславянского и отдельными славянскими языками, и тем самым содержит “до известной степени общий знаменатель дальнейшего развития отдельных славянских языков [. . .] (в частности, в отношении еров, носовых гласных и системы времен)” [МАРЕЃ 1986: 15]. И этим может объясняться сознательное использование ЦСЛ в качестве языка-эталона при описании растущего языкового многообразия Славии (ср. п. 16). В перспективе отдельных языков ЦСЛ представляет древнейший этап письменно

засвидетельствованного развития славянского языка в болгарско-македонской языковой области. Тексты этого этапа дают представление о раннем состоянии системы звуков и форм диалектов этого региона, позволяют увидеть (принимая во внимание вероятные заимствования) развитую систему возможностей синтаксических сочетаний, документирует в рамках содержания дошедших до нас текстов актуальный в раннюю эпоху, тематически отнюдь не бедный словарный запас. Свидетельства этих памятников включаются в историческую грамматику и историческую лексикологию болгарского и македонского языков как факты регионального языкового развития [MLADENOV 1929; Младенов 1979; Мирчев 1978; Конески 1967]; при этом учитываются также характерные для балканского ареала надъязыковые тенденции, первые проявления которых наблюдаются уже в древнейших рукописях [Минчева 1987].

5. Церковнославянский как язык корпуса текстов

Так как ЦСЛ нельзя соотносить ни с каким сообществом носителей, которые говорили бы на нем в быту и передавали бы язык от старших к младшим в процессе естественной социализации, то лингвистическое описание ЦСЛ возможно только на основании корпусов, относимых к ЦСЛ текстов. Целый ряд таких корпусов уже созданы или создаются.

5.1. Древнецерковнославянский корпус

Лучше всего известен церковнославянский корпус древнейших памятников, ср.: [BIRNBAUM, SCHAEKEN 1999], который здесь называется древнецерковнославянским и составляет, хотя и в разном, всегда сознательно выбираемом объеме, основу всех учебников, грамматик и словарей древнецерковнославянского. От других корпусов, речь о которых впереди, этот отличается уже тем, что он как корпус не планировался, но обязан своим возникновением конфликту мнений о региональных истоках ЦСЛ; был начат поиск древнейших рукописей этого языка, приведший к датировке их примерно X–XI вв. и локализации преимущественно (за исключением Киевских листков) в болгарско-македонской языковой области. Этот корпус принципиально открыт: вновь обнаруженные рукописи, эпиграфические тексты и др. могут быть добавлены, если обнаружат достаточно релевантных признаков⁴; некоторые тексты вызывают, однако, временами дискуссии о правомерности причисления их к корпусу, ср., несмотря на большую область пересечения, различия в круге цитируемых текстов в работах [SADNIK, AITZETMÜLLER 1955;

⁴ Из самых последних находок см. найденный в монастыре св. Екатерины на Синае среди фрагментов эфиопских рукописей пока не имеющий шифра лист глаголической литургической рукописи: [GLIVETIC 2015] (прим. ред. — P. K.).

SJS 1966–1997; Цейтлин 1994; Иванова-Мирчева 1999–2009; Miklas 2000; Miklas, Sadovski 2014]. В своем традиционном ядре древнецерковно-славянский корпус является, по-видимому, наиболее основательно исследованной областью славянского языкознания: благодаря полным, не раз перепроверенным указателям мы знаем все содержащиеся в корпусе слова и словоформы, а также по сути все примеры (ср., в частности, о глаголе: [Косн 1990]); о каждой рукописи мы знаем, какие кириллические или глаголические буквы в ней употреблены и каких букв нет; и вряд ли в корпусе найдется синтаксический феномен, который бы не был учтен в пятитомном труде “Древнецерковнославянский (древнеболгарский) синтаксис” [Веґерка 1989–2003]. В то же время эта фактически ставшая корпусом группа древнейших рукописей во многих отношениях перестала соответствовать интересам сегодняшних исследователей, потому что эти памятники, случайно уцелевшие от раннего времени в Болгарии и Македонии, ни в коей мере не репрезентативны для общей картины созданных и бытовавших в ту эпоху текстов и тем менее — для картины церковнославянской письменности в целом. Имея в виду, например, многочисленные переводы богословских трудов, хотя и сделанные в X в., но сохранившиеся в поздних списках за пределами Болгарии, стоит подумать о словаре древнеболгарского языка, который был бы ориентирован не на датировку и локализацию рукописей, а на дату и место возникновения текста перевода (ср. [Voss 1999] о предложенном Тайссеном [Theissen 1996] проекте так называемого словаря текстов в отличие от традиционного словаря рукописей). Можно напомнить также высказанное когда-то предложение Дурново использовать древнейшие восточнославянские списки церковнославянских текстов южнославянского происхождения не только в качестве источника исторической грамматики восточнославянских языков — имея в виду характерные ошибки писцов, но и отдать им должное как представителям орфографических и морфологических норм ЦСЛ, сохраняющих и претерпевающих специфические для данного региона модификации в одном из его “литературных диалектов” [Дурново 1924–1927; idem 2000: 391–494]; из новых авторов, в частности: [Миронова 2001; Живов 2006; idem 2017].

5.2. Среднецерковнославянские корпусы

Одновременно с началом публикации Пражского “Словаря старославянского языка” и в связи с докладом его редактора Й. Курца на Московском съезде славистов 1958 г. решено было подготовить в качестве пособия по изучению истории восточно- и южнославянских языков, литератур и культур “единый словарь церковнославянского языка различных редакций” и создать для этой цели международную комиссию. В ходе

последовавших обсуждений эта комиссия пришла к выводу, что единый словарь всех редакций периода до XVI или XVIII в. реализовать невозможно и, соответственно, старалась инициировать работу над отдельными словарями различных редакций ЦСЛ, поручив их подготовку рабочим группам прежде всего в Загребе, Скопье, Сараеве и Белграде (ср.: [Молдован 1986: 22–26]; отчет в [Советуванје 1989]; о культурно-политических аспектах: [КЕИПЕРТ 2006в]). Дальше других из этих региональных словарей продвинулся, пожалуй, выходящий с 1991 г. словарь ЦСЛ хорватской редакции [РСЈНР 1991–]⁵; с 2000 г. выходит и словарь ЦСЛ македонской редакции [РЦЈМР 2000–]⁶; в сербском проекте по изданию словаря церковнославянского Евангелия вышел пробный выпуск [САВИЋ, ЈОБАНОВИЋ 2007]⁷. О подготовке в Киеве “Словаря старославянского языка восточнославянского извода XI–XIII вв.” сообщается в проспекте [КАРПОВА, НИМЧУК 1987] (см. также: [Молдован 1986: 26]). Все эти корпусы задуманы в первую очередь для документации словарного состава; насколько репрезентативны они будут для данной традиции в целом, сказать пока трудно. Углубленное исследование лексики, подобное предпринятому в отношении старославянского корпуса, похоже, не предусматривается. Однако и первоначально намеченная цель, а именно создание своего рода тезауруса, который давал бы представление, в частности, о развитии словарного состава славянских языков, с нынешними скудными словниками оказывается недостижима, так как они едва ли адекватно отражают лексическое многообразие множества небиблейских текстов, не говоря уже о том, что лексикографическая работа над особенно богатой восточнославянской письменностью продвигается крайне медленно.

5.3. Современный русский церковнославянский

Современный русский ЦСЛ [РЛАНН 1975], или иначе — новый церковнославянский русского типа [МАКЕЏ 1988], до сих пор странным образом почти не рассматривался как язык корпуса текстов, хотя, казалось бы, отчетливое его графическое противопоставление русским изданиям и исключительно богослужебная функция делают насущность такого обобщения очевидной, и не позднее чем с XVIII в. для соответствующего феномена существует содержательное понятие ‘церковный круг’

⁵ См. обобщающую монографию о хорватской редакции ЦСЛ, впрочем, названной авторами “хорватский церковнославянский язык”: [ГАДЏИЈЕВА ET AL. 2014] (прим. ред. — Р. К.).

⁶ См. в связи с историей македонской редакции ЦСЛ: [ЦРВЕНКОВСКА 2016] (прим. ред. — Р. К.).

⁷ См. новейшую публикацию об истории сербской редакции ЦСЛ: [САВИЋ 2016] (прим. ред. — Р. К.).

“собрание всех богослужебных книг” [СлРЯ XVIII в. 2000, 11: 39]). К корпусу современных богослужебных книг, согласно Ю. Плэну (на основании авторитетного свидетельства из Москвы), относятся “Четвероевангелие, Апостол, Паримийник, Псалтирь следованная, Часослов, Минея месячная, Минея праздничная, Минея общая, Октоих, Триодь постная, Триодь цветная, Служебник, Требник, Типикон и жития святых” [РЛАН 1975: 90] (подробнее см.: [ИДЕМ 1978: 45–48]; ср. также: [ОНАСН 1962: 96–102]). Несмотря на внушительное число грамматик и учебников современного русского ЦСЛ, ни орфография, ни морфология всех этих текстов, не говоря уже о синтаксисе и лексике, не имеют полного описания. Кроме того, большая часть иллюстраций в этих пособиях взята из Евангелия, Апостола и Псалтыри, так что существенно отличающиеся от них в синтаксическом и лексическом отношении небиблейские богослужебные тексты, в частности церковнославянская гимнография, оказываются за пределами рассмотрения [РЛАН 1975: 99]. Лексикографически хорошо обработаны только Новый завет и Псалтырь [ГИЛЬТЕНБРАНДТ 1882–1885; ИДЕМ 1898]; систематически изучены, в частности, морфология глагола в церковнославянской Библии [МАТНЕСЕН 1972] и сокращения слов в “Октоихе учебном” [РЛАН 1973], ср. также: [МАРЕЅ 1988]. Начальное представление о сложных орфографических правилах новоцерковнославянского и о его грамматических структурах дают соответствующие учебные пособия. Как правило, они подразумевают знакомство пользователя с русским языком и поэтому описывают ЦСЛ не вполне как самостоятельный феномен. Еще в большей степени контрастивны (и тем самым заведомо неполны) существующие словари современного русского ЦСЛ, однако новейшие из них содержат и небиблейскую лексику, и эта тенденция усиливается, ср.: [ЗНОСКО 1996; БОНЧЕВ 2002–2012; DESCHLER 2003]. Очерк начальной стадии обработки корпуса церковнославянских текстов исключительно русской православной церкви см. в работе: [ЛЮДОГОВСКИЙ 2003]⁸.

6. Церковнославянский как элемент противопоставления

Лингвистический анализ церковнославянских корпусов следует принципиально отличать от взгляда на ЦСЛ, довольно распространенного в академической практике, из перспективы того или иного местного

⁸ В настоящее время в ИРЯ РАН идет работа над двуязычным церковнославянско-русским словарем современного ЦСЛ, вышел первый его том: [КРАВЕЦКИЙ, ПЛЕТНЕВА 2016]. В круг основных источников, на основании которых составлен словник, включены богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Псалтырь, Минея (общая и праздничная), Октоих, Триоди (Постная и Цветная), Часослов, Служебник, Требник. Дополнительные источники включают Священное писание и тексты основных употребительных жанровых типов: Типикон, Акафисты, Молитвы частного (келейного) богослужения, Книга правил, Алфавит духовный, Добротолюбие.

славянского языка. Методологически такой взгляд основан на оппозициях, которые предполагают существование как соответствующих корпусов, так и их описаний. Церковнославянским при таком взгляде оказывается то, что отклоняется от соответствующего местного языка (*Wirtssprache*). Вследствие этого из различных перспектив (разных славянских языков или различных исторических стадий одного и того же славянского языка) могут складываться очень различающиеся картины того, что именно расценивается как церковнославянское. Такое различие особенно важно для рассуждения о том, какие именно языковые явления должны в том или ином славянском языке считаться церковнославянизмами.

6.1. Оппозиции на синхронном уровне

Синхронными можно назвать такие оппозиции, которые возникают из сопоставления в рамках одного периода времени церковнославянских текстов и данного местного языка в его устной или письменной форме. Первые систематические сопоставления такого рода известны нам в Западной (Юго-Западной) Руси около 1600 г., в частности, по словарям Лаврентия Зизания (1596 г.: *словенский язык vs. простой Русский диалект*), Памвы Берынды (1627) и из чуть позднее составленной “Синонимы славеноросской” [Німчук 1964]. В особенности наглядно противопоставление *lingua sacra* и *lingua popularis* в переводном разговорнике Ивана Ужевича [BUNČIĆ 2006]. Этой традиции с очевидностью принадлежит принятая ныне антитеза ‘русский’ vs. ‘ЦСЛ’ [Успенский 1983: 64 и след.; IDEM 1987: 268, 275]. В отношении Московской Руси конца XVII в. краткий, но довольно разнообразный список противопоставлений дает Г. В. Лудольф; он приводит звуковые (*глава vs. голова, единъ vs. одинъ, ночь vs. ночь, такого vs. таково*), морфологические (*руць vs. рукъ, любихъ vs. любилъ*), синтаксические (*между с. instr. vs. с. gen.*) и лексические пары (*глаголю vs. говорю, истина vs. правда*), с помощью которых он демонстрирует “*differentia Russicae dialectus a lingua Slavonica*” [LUDOLF 1696: 4f]. Успенский [1987: 298] обращает внимание на то, что в ударениях Лудольф отчасти следует традиции Юго-Западной Руси. Похожий, но гораздо более обширный перечень из 53 позиций несколькими десятилетиями позднее находим в рукописной грамматике Й. В. Пауса [Живов, Кайперт 1996]. Такой взгляд, при котором церковнославянскими объявляются и более старые восточнославянские формы, коих в разговорном русском XVIII в. уже не было (*руць, любихъ*), объясняет, почему, скажем, Шлёцер еще и в 1802 г. держится мнения о том, что “Несторова хроника” написана “на ее славянском коренном языке” (“in ihrer Slavonischen GrundSprache” [так на титуле!]). Сейчас результатом такого синхронного

противопоставления может стать, к примеру, список так наз. церковно-славянско-русских паронимов — слов, которые в русском языке и в языке текстов “церковного круга” имеют различные значения и потому вызывают затруднения в понимании [СЕДАКОВА 2005; ЕАДЕМ 2008].

6.2. Генетические оппозиции

Благодаря обоснованному Востоковым [1820] пониманию южнославянского происхождения ЦСЛ и успехам сравнительно-исторического языкознания, стало возможным представить многие оппозиции ЦСЛ vs. местный славянский язык как результаты дивергентной языковой эволюции. Высокая регулярность таких различий в лексике и морфологии между южнославянским по происхождению ЦСЛ и восточнославянским по характеру русским языком побудила Шахматова в качестве инструмента для определения церковнославянизмов в русском языке составить список церковнославянско-русских противопоставлений в области звуков и звуковых сочетаний, хотя и Шахматов был уверен в том, что такими соотносительными парами различия между двумя языками не исчерпываются [ШАХМАТОВ 1925: 19–45]; ср. обсуждение концепции Шахматова в очерке Шевелева при издании немецкого перевода этой работы [ШАХМАТОВ, SHEVELOV 1960: 43–107]. Впоследствии шахматовские “церковнославянские элементы” сыграли существенную роль в полемике о генезисе стандартного языка, которую принято обозначать как спор о происхождении русского литературного языка: именно к этим “элементам” прибегали участники полемики при своих основанных на формальных признаках подсчетах церковнославянской доли в современном русском лексиконе, ср.: [Филин 1981: 7–86]; ср. об этом: [Герд 1998: 6], — и именно они определили состав внушительного (в 28 000 слов!) словаря “древнеболгаризмов и церковнославянизмов” в русском языке [Филкова 1986]. Самое удивительное в этом очевидно рассчитанном на панхроническое применение методе то, что с его помощью “церковнославянскость” текстов и церковнославянизмы в них, по-видимому, могли (и все еще, бывает, могут) быть установлены без обращения хотя бы к одному произведению письменности, которую можно считать церковнославянской. В южнославянских филологических традициях такие контрастивные списки значительно менее популярны, при этом они не столь длинны, так как генетически южнославянский ЦСЛ обнаруживает меньше отличий от отдельных южнославянских языков; кроме того, в церковнославянскую часть списка попадают данные не самой древней церковнославянской письменности. Так, Дамьянович на основе хорватско-глаголических текстов предлагает перечень проникших в них в результате интерференции чакавских элементов, дополняя его обзором

обнаруженных в этих текстах кайкавизмов [DAMJANOVIĆ 1984: 43–150, 151–176]; для анализа языка славеносербских текстов XVIII – начала XIX в. Младенович составил список из шестнадцати признаков, по которым народно-разговорный сербский и русский ЦСЛ (или русский) составляют статистически фиксируемые оппозиции [Младеновић 1969].

6.3. Гипотеза о диглоссии

Модель истории русского языка XI–XVII вв., предложенная Б. А. Успенским и В. М. Живовым и основанная на понятии диглоссии Фергюсона, также ставит ЦСЛ и местный восточнославянский язык (русский) в определенные отношения друг к другу, а именно такие, что при строгом функциональном распределении внутри языка, осознаваемого говорящими как единый, ЦСЛ должен был восприниматься как его ‘high version’ (*книжный язык*), а бытовой разговорный язык – как его ‘low version’ (*некнижный язык*) [УСПЕНСКИЙ 1983; ИДЕМ 1987]. Бинарность этой далеко не всеми принимаемой модели не только позволяет объяснить, почему в XVIII в. элементы собственно восточнославянские по происхождению, но вышедшие в русском языке из употребления могли оцениваться как церковнославянские (ср. п. 6.1), но и проясняет характер восприятия русского ЦСЛ южными славянами начиная с XVIII в.: становится понятно, почему в каждом регионе в каждую эпоху из перспективы бытового разговорного языка развивались собственные представления о том, какие феномены считать церковнославянскими. Противопоставление элементов книжного языка элементам некнижного языка заставляет предполагать, что в сознании говорящих вырабатывался своеобразный “механизм пересчета”, который при создании собственных, непереводаемых, произведений приводил к возникновению “гибридных языков”, в которых специфические элементы книжного языка более или менее последовательно употреблялись уже не в функции семантического различения, но лишь как “признак книжности”, к которой стремился автор [ЖИВОВ 1988: 54–63]; ср. примеры “пересчета” в: [ЗАПОЛЬСКАЯ 1991: 4–19]. О дальнейшей разработке этой оппозиции и ее трансформации ср., с одной стороны: [УСПЕНСКИЙ 1985; ИДЕМ 1995; ИДЕМ 2002], и – с другой стороны: [ЖИВОВ 2004: 37–130; ŽIVOV 2014], в особенности [ЖИВОВ 2017].

7. Церковнославянский как общеславянский (литературный) язык
В концепции ЦСЛ как общего языка доминирует представление о том, что до сих пор он используется в православном богослужении на территории, охватывающей сферы распространения нескольких стандартных языков. А если вместе с автором пражского тезиса о ЦСЛ (ср.: [КЕИПЕРТ 1999с; ЖИВОВ 2000: 32]) полагать, что этот язык уже в эпоху своего

создания в IX в. предназначался для надрегионального использования, то следует принять, что качество общности присуще ему с самого начала [DURNOVO 1929a; ИДЕМ 1929b]; ср. не всегда точный русский перевод тезиса в: [Кондрашов 1967: 32–34]. В истории ЦСЛ достаточно свидетельств, указывающих на использование его у различных славянских народов. Ломоносов был склонен объяснять этой общностью литургического языка не только сравнительную однородность русского языкового пространства, вопреки его обширности, но и тот факт, что живущих далеко за Дунаем сербов русские понимают будто бы лучше, чем соседних поляков [Ломоносов 1758/2011]. Историю распространения ЦСЛ как общеславянского языка впервые очертил А. С. Будилович [1892: 26–168]; ср.: [Толстой 1995: 89–90], о политическом контексте см.: [КЕРРЕРТ 2009]. Не называя Будиловича, однако, очевидно, по его следам, Н. С. Трубецкой [1927] назвал ЦСЛ *общеславянским литературным языком*, искусно используя при этом оба значения термина *общеславянский* — ‘(поздне)праславянский’ и ‘общий для славян’. На этой основе Трубецкой развил детальную генеалогию испытавших воздействие ЦСЛ разновидностей славянских письменных языков [ibid.: 162–208]. Эпитет *общеславянский* вновь используется для обозначения ЦСЛ после 1958 г. в связи с планами создания словарей средневекового ЦСЛ (среднецерковнославянского), ср.: [Молдован 1986: 22–25; КЕРРЕРТ 2006b]. Вслед за тем некоторые авторы употребляют обозначение *общеславянский* и его переводы едва ли не терминологически в том же значении, в каком до этого использовался термин ЦСЛ, ср.: [ДАМЈАНОВИЋ 1993; ВЕРЕЩАГИН 1997], другие, напротив, решительно его отвергают, ср.: [ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРАЛАМПИЕВ 1999: 238]. Говорилось даже, что это вполне полезное понятие есть не что иное, как спущенная сверху “коммунистическая выдумка” (*komunistička izmišljotina* [ДАМЈАНОВИЋ 1995: 40]; ср. работу того же автора: [ИДЕМ 2002: 27], в которой он, наоборот, отстаивает этот термин). Начиная с 1960-х гг. самым ярким представителем концепции общего языка, несомненно, остается Р. Пиккио с его моделью “*Slavia ortodossa*”. В этой модели друг другу противопоставлены сфера “*Slavia romana*” на западе славянства, которая в конфессиональном отношении определяется Римской церковью, а в языковом — латынью, и культурно-языковая общность на востоке славянства, принявшая христианство из Византии и в течение длительного времени объединенная более или менее гомогенным употреблением ЦСЛ (*comunità linguistica slava ecclesiastica*), ср.: [ПИСНИО 1991], об этом также: [Толстой 1995]; краткое изложение доступно теперь в: [ПИСНИО, GOLDVЛАТТ 2008: 72–77; ZIFFER 2014]; ср.: [Пиккио 2003] и, в согласии с его концепцией, [МАТНЕСЕН 2008].

8. Церковнославянский как литературный язык

Концепция ЦСЛ как литературного языка, подразумевающая больше, чем только надрегиональный характер употребления, восходит по сути к упомянутому четвёртому тезису Пражского лингвистического кружка, но коренится также и в работах Трубецкого [1927] и Будиловича [1892]. В отталкивание от господствующих младограмматических взглядов, в пражских тезисах 1929 г. поднимается требование тот (древне)-церковнославянский язык (*vieux-slave*), который с X–XII вв. стал литературным языком (*langue littéraire*) всех славян со славянской литургией, не просто отождествить с одним из так называемых исторических славянских языков (*langues slaves historiques*) и исследовать его с точки зрения исторической диалектологии, а интерпретировать его эволюцию на тех же основаниях, на которых обычно строится история литературных языков. Каждая из локальных редакций должна быть изучена с точки зрения присущих ей как “литературному диалекту” (*dialecte littéraire*) индивидуальных норм; кроме изучения редакций так называемого среднецерковнославянского (*moyen slave d'église*), насущной задачей является научная история ЦСЛ вплоть до современности [DURNOVO 1929a; IDEM 1929b]. После А. Достала [DOSTÁL 1959] о своей приверженности этой программе наиболее ясно заявил своими работами Н. И. Толстой, говоривший, правда (очевидно, под давлением обстоятельств времени, ср.: [АЛЕКСЕЕВ 1989: 151]), о *древнеславянском литературном языке*, лишь иногда используя традиционный термин *церковнославянский язык* или компромиссный термин В. В. Виноградова *книжнославянский язык*, ср.: [Толстой 1961; IDEM 1962; IDEM 1963], а также составленную на основе книги [IDEM 1988] выжимку о ЦСЛ в: [ВЕРЕЩАГИН 1989: 129–133; IDEM 1997]; далее: [Толстой 1982; IDEM 1989]; на точку зрения Трубецкого и на 4-й тезис ссылается также Г. А. ХАБУРГАЕВ [1988: 7 и след.; IDEM 1994: 12–18]. Ныне наиболее известные критерии “литературного языка” в пражском понимании (полифункциональность, стилистическая дифференцированность, кодифицированность и общеобязательность норм) лишь с существенными ограничениями могут быть применены к ЦСЛ (как подчеркивал уже Исаченко [1958] и отчасти Толстой); скорее к нему применимы те черты литературных языков, которые были поставлены в центр внимания в 1929 г., а именно:

- caractère conservateur,
- intellectualisation de la langue,
- caractère plus réglé et plus normatif,
- tendance à l'expansion,
- monopole et marque de la classe dominante [THÈSES 1929: 15–17];

ср. соответственно в: [Кондрашов 1967: 26–28]:

- консервативный характер,
- интеллектуализация языка,
- более упорядоченный и нормативный характер,
- тенденция к распространению,
- монопольное положение и отличительная черта господствующего класса.

С известными ограничениями, однако, можно, вероятно, и эволюцию ЦСЛ в качестве литературного языка представить с помощью соответствующего корпуса текстов как историю постепенного расширения полифункциональности (что хотя и не без дефицита, но все же в принципе похоже на историю других славянских стандартных языков), включая выработку функционально специализированных языковых средств, как историю нормализации, полемики о нормах, традициях и кодификации норм в церковнославянской письменности, а также как историю утверждения определенных норм в региональном или надрегиональном масштабе в той части населения, которая непосредственно затронута ЦСЛ.

В истории функционирования ЦСЛ должны учитываться все типы текстов, письменных и устных (преимущественно богослужебных), которые входили в его сферу на протяжении более чем тысячелетней его истории. Иными словами, задача состоит не в том, чтобы проследить (так сказать, ретроспективно) становление нынешнего “церковного круга” текстов, а в том, чтобы описать всё созданное — в первую очередь путем перевода — в различных регионах и в различные периоды времени церковнославянское наследие библейских, агиографических, гимнографических, гомилетических, догматических, церковно-юридических, историографических и т. д. текстов (о богатстве этого наследия на примере восточнославянской и русской традиции дает представление компактный обзор в: [Турилов 2000], ср. общий обзор в: [MATHIESEN 2008]). Описание заслуживает, разумеется, и начавшееся в новое время отступление ЦСЛ из целого ряда этих функциональных областей, то есть сокращение его функционирования до языка богослужения: патристику и тексты церковного права в нынешнее время читают в оригинале или в переводе на современные языки!

Говоря о выработке функционально обусловленных языковых средств, нужно прежде всего иметь в виду, что необходимость в создании адекватных средств выражения для новой религии возникла не в процессе переводческой работы “апостолов славян”, но уже раньше — во время христианизации славян в окрестностях Салоник (по преимуществу, вероятно, устной) и в ходе моравской миссии, и тем

самым было положено начало характерному для литературных языков “существованию элементов искусственных, комбинированных и конвенциональных” (*existence d'éléments artificiels, amalgamés et conventionnels* [DURNOVO 1929A: 22], ср. также: [DE VINCENZ 1988; SCHRAMM 2007]). О приемах такого все разрастающегося созидания, которые использовались переводчиками того или иного региона, той или иной эпохи в отдельных типах текстов (под приемами здесь понимаются решения в отношении заимствованного слова, семантической или словообразовательной кальки, а также в синтаксисе — в отношении соблюдения места слова в конструкции или более свободного перевода) приходится судить индивидуально: деловые или нарративные тексты ставят перед переводчиком другие задачи, чем в случае диалогического формуляра литургии или привязанных к мелодии гимнов. Вопреки распространенному мнению о том, что ЦСЛ в ходе своей истории изменялся и развивался якобы в первую очередь в силу своей взаимосвязи с соответствующими местными славянскими языками, следует подчеркнуть, что его языковые инновации в значительной мере объясняются функционально-семантическими потребностями выражения, возникавшими при переводе греческих текстов большой синтаксической и лексической сложности. Когнитивный прирост, полученный ЦСЛ в результате начавшихся таким образом адаптационных процессов, оценить пока трудно, так как лексикографический дефицит не позволяет с должной полнотой проследить, какие слова с какими значениями были в определенное время в употреблении в церковнославянской письменности и потому должны были бы быть включены в систематическую картину данной степени развития ЦСЛ. Ономаσιологических исследований церковнославянской лексики со времени классического труда Ф. Миклошича [MİKLOSICH 1876] предпринималось мало, назовем работу Вендиной [2002], выполненную показательным образом на материале только древнецерковнославянского корпуса. Как показывают даже небольшие по материалу исследования, столетиями шедшая в ЦСЛ работа привела к созданию множества новых слов сверх лексики древнецерковнославянского корпуса и к развитию новых словообразовательных возможностей [KEIPERT 1977–1985]; ср. также: [ZETT 1970; TROST 1978]. С разветвлением лексической полисемии нашли выражение дополнительные нюансы значений, а появление новых связей между словами (синонимии, антонимии, гипо- и гиперонимии) способствовало развитию семантического устройства церковнославянского словаря. Утрата ЦСЛ ряда функций и ограничение его применения сферой *lingua sacra* привели к тому, что ряда слов, которые нам известны из средневековых переводов патристической литературы, в нынешнем “церковном круге”

уже не встретишь; за мощным приростом здесь фактически последовало заметное сокращение лексики, однако немало “утраченных” выражений удержалось в лексике местных языков (в отношении русского языка ср.: [Копорская 1988]). Любопытно продолжающееся (в известных масштабах) пополнение современного “церковного круга” и его языковых возможностей в связи с канонизацией новых святых и актуализацией ряда молитв. Благодаря этому ЦСЛ и в ограниченных рамках литургического языка сохраняет известную витальность, которая (как и ежедневное использование его в богослужении) не может позволить объявить этот язык “мертвым” или причислить его к “исчезнувшим” [НААМАНН 2002]. Скепсис У. Федер в публикации [VEDER 2005] года под заголовком “Dead on Arrival” также проблематичен.

Н о р м ы ЦСЛ возникли первоначально путем создания текстов, а затем в процессе использования текстов и их как можно более тщательного переписывания нормы передавались по традиции; параллельное использование книгопечатания с конца XV в. способствовало унификации текстов и норм. Грамматики ЦСЛ существуют — если отвлечься от едва ли соответствующего такому обозначению трактата XIV в. “О восьми частях слова” — с конца XVI в., но лишь в XIX в. они приобретают все более дескриптивный характер. В какой мере осуществлялись прескриптивные цели более ранних грамматических сочинений, остается малоисследованным, при этом почти не обращают внимания на то, что в старых грамматиках нередко кодифицировался “ЦСЛ как конструкт”, так как их авторы следовали неславянским грамматическим сочинениям (ср. п. 15). Не существует даже полного грамматического, как и лексикографического, описания современного “церковного круга” (ср. п. 5.3 и прим. 8).

Как развивающийся литературный язык, ЦСЛ сопровождается в своей истории немалым числом м е т а я з ы к о в ы х в ы с к а з ы в а н и й — от фрагментарно сохранившихся сопоставительных наблюдений над греческим и славянским в так называемом кириллическом Македонском листке и апологии славянского письма в трактате черноризца Храбра “О писменех” (IX–X в.) до современных дискуссий вокруг перевода богослужебных текстов на русский язык. Специфической чертой метаязыковых высказываний о ЦСЛ можно считать то, что они, как правило, относятся к определенным текстам и, таким образом, носят не исключительно языковой характер и, кроме того, обычно имеют теологическую подоплеку (ср., в частности: [Бобрик 1990; Кравецкий, Плетнева 2001]). Теологический слой обнаруживают и ранние грамматики, ср.: [КЕРПЕРТ 1988: 336–337; ИДЕМ 1999в].

Об общеобязательности норм, обычно связываемой с письменными языками, в случае ЦСЛ не может быть и речи, так как

соблюдение норм возлагалось прежде всего на писцов скриптория или (с конца XV в.) наборщиков немногочисленных типографий, и ЦСЛ, который читался или пелся за богослужением, в прошлом, очевидно, варьировал гораздо больше, чем об этом можно судить по рукописным или печатным культовым книгам. Хотя еще в конце XVIII в. особенно тщательно контролируемая церковная печать считалась образцом орфографической правильности (русского языка!), в то же время уже в 1675 г. царь Алексей Михайлович в собственном “Указе об орфографии” предостерегал от того, чтобы по-видимому ошибочные (т. е. не совпадающие с исправленными месяцесловами. — Г. К.) написания собственных имен и титулов принимались за оскорбление: как видим, мирская скоропись челобитчиков и церковный полуустав подчиняются орфографическим правилам различной степени строгости.

Кроме некоторых новейших обзорных статей, ср.: [Pіссню 1980; Pіссню, Goldblatt 2008; Matthesen 1984; Mareš 1990; Живов 1988; IDEM 1996b; IDEM 1998–1999], все еще не существует — по понятным причинам — настоящей истории ЦСЛ как литературного языка. Нет у нас и актуализированного обзора метаязыковых высказываний по вопросам ЦСЛ, который бы соотнес труд В. Ягича [Jagić 1896/1968] или И. Буюклиева [Bujukliev 2014] с нынешним состоянием наших знаний.

9. Церковнославянский как язык-расширение (Ausbausprache)

История каждого литературного языка характеризуется ростом, состоящим в функционально обусловленном расширении возможностей выражения. ЦСЛ большей частью своего прироста обязан текстам, не принадлежащим к числу лексикографически хорошо документированного древнецерковнославянского корпуса. Представляется поэтому не лишним ввести в этот обзор специальное понятие ‘язык-расширение’, чтобы напомнить об этом постоянно совершаемом (в первую очередь переводчиками) языковом освоении мира, тем более что все еще широко распространено мнение, с которым трудно согласиться, — что ЦСЛ в своей истории изменялся якобы прежде всего под влиянием местных славянских языков.

Кроме того, в своей многообразной истории ЦСЛ обнаруживает приметы процессов, которые можно связывать с предложенной Хайнцем Клоссом в рамках типологии литературных языков оппозицией *Ausbausprachen* vs. *Abstandsprachen*, хотя его дефиниции *Ausbausprache*, выработанной для классификации различий между современными языками [Kloss 1987: 302], ЦСЛ отвечает лишь частично. Речь идет о разработке языка, которая при опоре на общую основу протекает параллельно в географически удаленных друг от друга регионах и приводит к

очевидному, по крайней мере временному, расщеплению церковнославянской языковой традиции, появлению вариативности и параллельных путей развития.

“Охрид” vs. “Преслав”. Уже в древнецерковнославянской Супрасльской рукописи под № 5 находим легенду, в тексте которой объединены “более древний” (заключительная часть) и “более новый” перевод (начало текста). Обе версии перевода теперь известны и целиком, в неконтаминированном виде; сходные различия обнаруживают как “более новый” № 4 в Suprasliensis по отношению к своей “более древней” параллели, так и “более древний” № 7 — по отношению к своей “более новой” параллели [КЕРПЕРТ 1999А]. Таким образом, можно говорить о следах двух довольно ранних переводов по крайней мере отдельных частей четых миней. Если считать, что к осуществлению столь мощного переводческого дела вряд ли бы приступили, будь известно о параллельной работе над аналогичным переводом, то многочисленные различия между этими параллельными переводами свидетельствуют, вероятно, о несколько различавшихся уже в древнецерковнославянскую эпоху направлениях разработки церковнославянской письменности. Названные выше города — Охрид и Преслав — используются здесь лишь в качестве шифров для скрипториев в, вероятно, македонском (западноболгарском) и болгарском (восточноболгарском) регионах⁹.

Московская vs. Западная (Юго-Западная) Русь. Процессы дивергентного развития привели к тому, что из “древнерусского ЦСЛ с XIV в.” развились параллельно “Московский ЦСЛ” и “Киевский ЦСЛ” (ср. генеалогию славянских литературных языков в: [ТРУБЕЦКОЙ 1927]). О том, насколько явственно уже тогда ощущалось своеобразие каждой версии, свидетельствует, с одной стороны, сдержанность в отношении Геннадиевской Библии в Остроге при подготовке к печати Библии 1581 г. [FREIDNOF 1972], а с другой стороны — основательная проверка и исправление книги “западной” печати в Москве XVII в., ср.: [СИРОМАХА, УСПЕНСКИЙ 1987].

Проект Копитара 1827 г. В 1827 г. Е. Копитар подал князю Меттерниху план разработки ЦСЛ, задуманный несомненно в духе сепаратизма по отношению к русскому новоцерковнославянскому; Копитар рекомендовал создать для богослужения православных славян Австрии действительно южнославянский ЦСЛ (ср.: [ЛУКАН 1995] и п. 11). По крайней мере, в этом случае было ясно заявлено намерение путем установления необходимой дистанции создать новый ЦСЛ как язык-расширение (в отталкивании от русского ЦСЛ).

⁹ Наблюдения о параллельной церковнославянской письменной традиции, зародившейся в западных регионах Болгарского царства кон. IX–X вв., нашли дальнейшее подтверждение в ряде недавних работ, см., напр.: [ПИХАДЗЕ 2011, 57–76; КРИВКО 2016] (прим. ред. — Р. К.).

10. Периодизация и диахронические (исторические) разновидности

Верующие столетиями воспринимали церковнославянские богослужебные тексты как языковую современность; именно в этом, думается, можно видеть причину заметно позднего осознания историчности ЦСЛ в сфере “*Slavia ortodossa*”. Историческая изменчивость ЦСЛ становится предметом внимания лишь в XVIII в., а соответствующая терминология появляется, как кажется, не ранее начала XIX в. Если у Шлёцера в работе 1802 г. остается неясным, всегда ли он имеет в виду историчность ЦСЛ, когда наряду с термином *Slavonisch* ‘славянский’ без дополнительных пояснений использует также *AltSlavonisch* ‘старославянский’, то Добровский в своем комментарии к Шлёцеру недвусмысленно говорит о супине как о форме, которая есть в старших текстах, но отсутствует в текстах более позднего времени [Добровский 1806: 381 и след.]. Вслед за Добровским, но прежде всего в соответствии с предложенной Я. Гриммом общей трехчастной периодизацией истории германских языков, в 1820 г. А. Х. Востоков выделил в эволюции ЦСЛ три периода — *древний, средний и новый славянский язык*; границы периодов определялись, с одной стороны, меной юсов (для Востокова — XIII–XIV вв.), с другой стороны — распространением книгопечатания; кроме супина, Востоков назвал еще ряд языковых явлений, характеризующих древнейший этап, в частности сохранение этимологических *ъ* и *ь*, а также вариацию именных и местоименных форм прилагательных [Keipert 2002]. Таким образом, разделение истории ЦСЛ на три периода, пропагандируемое во второй половине XX в. Толстым, Матиесеном, Трунте, Верещагиным и другими, имеет за собою почтенную традицию, подзабытую по той, очевидно, причине, что в России второй половины XIX в. утвердилось двучастное деление: язык древнецерковнославянского корпуса, в рамках младограмматической парадигмы все более выдвигавшегося на первый план, стало предпочтительным называть *старославянским*, а для противопоставляемого ему языка более поздних текстов использовать термин *церковнославянский*, ср.: [Касаткин 1990; Толстой 1990]; ср. сходный подход уже в: [Булич 1893: 130 и след.]. Трехчастное деление на *ранний, средний, поздний древнеславянский* (или *ранне-, средне-, позднедревнеславянский*) заново вводится в качестве программного — со ссылкой на Пражский тезис 1929 г. — Н. И. Толстым [1961: 66, 65; idem 1988: 47–48, 46], но не становится авторитетным (ср. позднюю попытку его популяризации в: [Верещагин 1989: 132 и след.; idem 1997: 308]); не случайно в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” *древнеславянский* не составляет отдельной леммы, отсутствует в указателе языков этого словаря и встречается только в дефиниции понятия *церковнославянский* (!).

Строго говоря, периодизация Толстого четырехчастна, так как охватывает только время употребления ЦСЛ в качестве общего письменного языка южных и восточных славян до XVIII в. и не включает период последующего ограничения его функционирования сферой богослужения. Мареш действительно говорит о четырех эпохах ЦСЛ, когда последовательности из *Altkirchenslavisch*, *Kirchenslavisch* и *Neukirchenslavisch* он предпосылает “нулевую стадию” *Urkirchenslavisch*, имея в виду не сохранившуюся первоначальную, созданную “апостолами славян” форму стандартного языка IX в. [MAREŠ 1988: vi–vii]; ср. *Old Church Slavonic, Church Slavonic, New Church Slavonic* and *Proto-CS* [ИДЕМ 1979: 11–13]. Сходным образом поступает Р. Матиесен, который использует термины *Early*, *Middle* и *Late Church Slavonic* соответственно плюс *Earliest Church Slavonic* [МАТИЕСЕН 1984: 46–47], ср. недавнюю, несколько модернизированную по сравнению с Толстым, четырехчастную модель в работе: [СУПРУН, МОЛДОВАН 2005: 36–41]. Еще ранее Ю. Плэн, ссылаясь на Н. С. Трубецкого, предложил делить историю ЦСЛ на русской почве на пять периодов [PLÄNN 1978: 24–27]. Разумным может оказаться выделение внутри крупных периодов более мелких частных; о такой возможности свидетельствует известное различие вариантов внутри древнецерковнославянского, которые, хотя и определяются обычно в региональных терминах (ср. п. 10), являются, по крайней мере частично, диахроническими.

Названные варианты периодизации различаются между собою не только числом, но в немалой степени и границами выделяемых периодов на оси времени. Если, к примеру, Булич [1893: 130] под ЦСЛ понимает исключительно язык богослужбных печатных книг в России, то Толстой [1990: 492] объединяет под этим термином все вообще тексты, не относящиеся к древнецерковнославянскому корпусу (в статьях [КАСАТКИН 1990: 576; ИДЕМ 1997: 616] сюда, с разной степенью определенности, включается современный “церковный круг”); *neukirchenslavisch* ‘новоцерковнославянский’ значит у Мареша жестко нормированный язык церковнославянского богослужения в России начиная с середины XVIII в. [MAREŠ 1988: vii], у Н. Трунте это обозначение охватывает также и попытки нормализации и кодификации ЦСЛ в Юго-Западной Руси XVII в. [TRUNTE 1998: xiii–xiv], а для Матиесена *Late Period* начинается там же, и уже в конце XVI века! Замечу, что у Мареша смена периодов связана не столько с временными границами, сколько с изменением статуса языка — от древнецерковнославянского как “живого” языка через (средне-)церковнославянский как “язык книг” (*Buchsprache*) к новоцерковнославянскому как *lingua sacra* в сфере утвержденного местного письменного языка — и изменения эти в различных регионах происходят не одновременно.

В итоге приходится констатировать, что, как свидетельствует разнородность предложенных до сих пор периодизаций ЦСЛ, взгляды на преемственность его развития далеки от единства. За пределами изменений в орфографии и орфоэпии многообразие исторических вариантов ЦСЛ исследовалось до сих пор недостаточно, так что после книги Булича [1893: 130–406] о печатной Библии ощущается нехватка прежде всего сквозных исследований языковой системы, которые бы могли служить структурноязыковым основанием периодизации (ср., однако, п. 16 о Петербургском корпусе). Впрочем, подобного рода анализ затрудняется тем, что в рукописях и печатных книгах тексты очень разного происхождения собраны подчас в гетерогенный в языковом отношении ансамбль. Так, Библия на новоцерковнославянском языке (Елизаветинская Библия, первое изд. 1751 г.), несмотря на известную однородность в орфографии и языке, содержит тексты по меньшей мере пяти различных эволюционных слоев ЦСЛ, а именно кирилло-мефодиевские тексты IX в., тексты эпохи Первого Болгарского царства, тексты, дополненные сотрудниками Новгородского архиепископа Геннадия в конце XV в., острожские тексты 1581 г. и, наконец, тексты, внесенные при подготовке самой Елизаветинской Библии [MATTHIEN 1979: 10]; ср.: [АЛЕКСЕЕВ 1999; ВОВРИК 2011] и в отношении особенно сложной истории церковнославянского Ветхого завета: [THOMSON 1998]. Контаминация переводных текстов, различных по происхождению и языку, имела место, как известно, уже в древнецерковнославянской Супрасльской рукописи. При такой гетерогенности источников выявление структурноязыковых признаков, которые служили бы надежными критериями различения диахронических вариантов ЦСЛ, без предварительного тщательного обследования истории отдельных текстов вряд ли возможно, ср.: [ZIFFER 1998].

11. Диатопные (региональные) разновидности

Региональные варианты ЦСЛ известны, по-видимому, гораздо лучше, чем диахронические, и речь часто идет о болгарском, сербском, хорватском, румынском, русском и т. д. ЦСЛ, ср., в частности, структуру среднецерковнославянских корпусов (см. п. 5.2). Различия такого рода были обнаружены, очевидно, давно: уже в 1552 г. русский книжник Нил Курлятев дает — удивительно точный, как выясняется! — перечень “сербских”, с его точки зрения, черт орфографии и даже фонетики [KEIPERT 1985]. Сравнительно-историческое языкознание XIX в. внесло важнейший вклад в выявление — на основании прежде всего графико-орфографических систем локализуемых рукописей — специфических для отдельных регионов звуковых реализаций, что позволило выработать критерии

рии довольно точного определения времени и места происхождения того или иного кодекса даже при отсутствии прямых данных.

Обычно такие разновидности ЦСЛ, наблюдаемые в рукописях и печатных книгах, называют *редакциями* (*Redaktionen*, реже — *Rezensionen*; ср.: [ЈЕДЛІСКА 1977: 48 след.])¹⁰. С понятием редакции связано скорее представление о содержательных и стилистических изменениях, чем только смена орфографического и языкового облика [ЛИХАЧЕВ 1962: 116–127; ЖУКОВСКАЯ 1976; РІССНЮ 1980: 19; ДАМЈАНОВІЋ 1995: 42]; ср. в то же время *редакции* с конкретными примерами в: [ТОЛСТОЙ 1989: 14 и след.]). С точки зрения статуса локальных норм, изводы называли также *местными литературными диалектами старославянского и церковнославянского языков* [ДУРНОВО 2000: 649], *церковнославянскими языками* (*slavons A.* Вайана [РІССНЮ 1967: 1542] — в русском переводе *древнеславянские языки* [ПИККИО 2003: 403] или *славянские языки* [ІВІД.: 418], *Kirchenslavinen P.* Марти [МАРТИ 1987А: 120 и след.]) или — с акцентом на множественности и различиях — *русский, сербский, хорватский, чешский церковнославянские языки* [ЦЕЙТЛИН 1963]. Для чешско-словацкой редакции Вайнгарт [WEINGART 1949] и другие избрали термин *typ*, но нередко используется и термин *redakce*. Сходным образом в случае хорватского извода *tip* [НАММ 1963] используется наряду с *redakcija* [RCJHR 1991–; МИНАЉЕВИЋ, РЕЙНАРТ 2005]. В Сербии также говорится о *српска редакција црквенословенског* (или *старословенског*) *језика* или даже просто о *српскословенски језик* [МИЛАНОВИЋ 2004: 35–55]. Хорватская, сербская и боснийская письменные традиции ЦСЛ сопоставляются друг с другом как *редакции* и в работе [КУНА 1965]¹¹.

С понятием извода (или редакции) можно связать распространенную практику разделять на изводы только памятники, возникшие позднее древнецерковнославянских, и таким образом рассматривать древнецерковнославянский как, так сказать, ЦСЛ *κατ' ἐξοχήν* 'в идеальном виде', от которого изводы отличаются каждый своим набором специфических признаков (ср. т.ж. п. 16), и уже Востоков [1863: 9] говорит в этом смысле о *собственно церковнославянском!* Проблематичен такой взгляд прежде всего потому, что, как известно, и даже *per definitionem* и древнецерковнославянские рукописи в зависимости от места происхождения обнаруживают специфические черты региональных диалектов. По этой причине вполне последовательно поступают авторы классических пособий по славянской палеографии, выделяя, наряду с другими изводами, также древнецерковнославянский извод. Так, КАРСКИЙ [1928: 315–347] использует в этом смысле термин *церковнославянская редакция*,

¹⁰ В русской традиции принято говорить скорее об *изводах*, чем о *редакциях* ЦСЛ.

¹¹ См. также прим. 5, 6, 7 (прим. ред. — Р. К.).

ставя его в один ряд с обозначениями *среднеболгарская, сербская, румынская и русская редакция* (которые, в свою очередь, дробятся и образуют смешанные формы); у ЩЕПКИНА [1918: 30–36] это *старославянский извод* — наряду с понятиями *русский, болгарский, сербский, хорватский, чешский, моравский, румынский извод* (также с дальнейшими видоизменениями). Однако и у этих авторов особое положение древнецерковнославянского языка выделено терминологически, и, в духе языкознания того времени, этот язык пользуется первостепенным вниманием. Это дало повод Дурново выступить с предостережением: неверно считать, полагал он, будто лишь одна-единственная редакция представляет собою “правильный” ЦСЛ (*vieux-slave correct*), а другие являются некими отклонениями (*déviations*) от нее, напротив, все редакции заслуживают рассмотрения как полноправные *dialectes littéraires* ‘литературные диалекты’ [DURNOVO 1929A: 22]. По мере осознания того, что ЦСЛ как такового (т. е. текстов, которые могли бы быть названы церковнославянскими и при этом были бы лишены региональной специфики) по сути не существует, в современных пособиях все чаще подчеркивается, что и древнейшие рукописи следует включать в систематику изводов, а исходным пунктом филиации считать не сохранившийся в рукописях праЦСЛ — язык первых переводов славянских апостолов [ХАБУРГАЕВ 1984: 6–22; HOLZER 2002; TRUNTE 2003: 234–237]; последний, в свою очередь, создавался, вероятно, с опорой на устную речь христианизированных славян Салоник и окрестностей и, возможно, даже нес в себе определенные “импульсы внутрибалканского христианства” (*Ausstrahlungen einer innerbalkanischen Christenheit* [SCHRAMM 2007: особенно 21–47]).

В свете позднейшего развития балканизмов в македонско-болгарском языковом пространстве “славянский язык Салоник”, рассматриваемый в качестве языковой основы праЦСЛ, предстает, с точки зрения некоторых ученых, как периферийный и сравнительно консервативный (архаичный) диалект, и если соглашаться с тезисом о том, что “радикальная перестройка, которую переживает новоболгарский язык по отношению как к древнеболгарскому, так и к другим славянским языкам” в ходе действующего начиная с VII в. “интенсивного симбиоза протоболгар и славян”, начинается в эпоху Первого Болгарского царства [HINRICHS 2004A: 232 и след.], то объяснимым становится, с одной стороны, почему “славянский язык Салоник”, на котором говорили в подвластной Византии области, этой перестройкой затронут не был, а с другой стороны, следует вновь особенно подчеркнуть, что язык древнецерковнославянских рукописей не только в лексике, но и в грамматике мог гораздо дальше отстоять от разговорного “охридского” или “преславского” славянского, чем это обычно предполагается, иначе говоря,

что постоянно обсуждаемые черты аналитизма в древнецерковнославянском свидетельствуют не о начальной фазе изменений, а о процессе, уже давно начавшемся в народном языке, но на письме находившем лишь частичное отражение [ИВІД.: 240] (подробнее см.: [ИДЕМ 2004в]).

Число выделяемых в литературе редакций значительно колеблется даже в пределах древнецерковнославянского корпуса (например, [HOLZER 2002], в отличие от [MAREŠ 1988]). Настоятельно необходимым — и не только по причине объема и гетерогенности материала — представляется различать внутри редакции, традиционно именуемой русской, (обще)восточнославянскую и затем более поздние русскую, украинскую и, возможно, также западнорусско-белорусскую редакции (см., в частности, [Запольская 1991: 8–9], где внутри “церковнославянского восточнославянской редакции” различаются, наряду с надрегиональными правилами узуса, также региональные — киевские и новгородские, и, таким образом, и эта, едва получившая собственное название редакция оказывается не единой). С учетом писцовых школ, а также смешанных традиций можно и для других ареалов выделять дополнительные “литературные диалекты” в смысле Дурново. В соответствии с нашим нынешним пониманием многообразия ЦСЛ список редакций времени после праЦСЛ мог бы быть таким: *моравско-паннонско-чешская редакция* (словацкий, отчасти чешский субстрат), *хорватская редакция* (чакавский, отчасти кайкавский субстрат), *боснийско-герцеговинско-рагузская редакция* (по большей части западноштокавский субстрат), *сербская редакция* (восточноштокавский субстрат), *болгарско-македонские редакции* вокруг Преслава (позднее Тырново) и Охрида в качестве центров и, наконец, *восточнославянские редакции* с центрами Киев, Галич, Новгород и Псков, впоследствии также Москва, а в (Юго-)Западной Руси — Волынь с центрами во Львове и Вильне [TRUNTE 2003: 236]. Упоминание соответствующих местных языков имеет смысл потому, что тексты, называемые здесь церковнославянскими, в данном регионе могли восприниматься как кодифицированная письменная разновидность данного языка и определенным образом связываться со структурами местного идиома (о ЦСЛ в восточнославянском регионе см.: [ХАБУРГАЕВ 1984: 10–22]). Иначе, чем со славянскими местными языками, связан ЦСЛ с разговорным языком в Молдавии и Валахии [DЖАМО-ДІАСОНИТЇ 1975], а также в монастырях Афона (их “экстерриториальное” положение не позволяет, тем не менее, забыть того чрезвычайного вклада, который они внесли в создание и распространение церковнославянских текстов). С точки зрения этого нового видения проблемы, согласно которому в каждом регионе складывается свой образ ЦСЛ, целесообразным представляется то терминологическое решение, которое Мареш предложил

для своей трехчастной периодизации истории ЦСЛ, а именно: в древнецерковнославянском — *варианты* (по Марешу, *моравский, болгарско-македонский и словенский*), в среднецерковнославянском — *редакции* (у Мареша: *среднеболгарская [болгарско-македонская], сербская, хорватско-глаголическая, чешская, русская и румынская*), а в новоцерковнославянском — *типы* (Мареш: *русский, хорватский и чешский*). Соответственно, эти термины (оставляющие возможность дальнейшей дифференциации и выделения субредакций, орфоэпических субтипов и т. д.) можно соотнести с меняющимся статусом ЦСЛ в данном регионе — от древнецерковнославянского как живого языка (*lebende Sprache*) через (средне)церковнославянский как книжный язык (*Buchsprache*) к новоцерковнославянскому, существующему рядом с этаблированным местным литературным языком на правах исключительно *lingua sacra* [Мареѝ 1979: 11–13; IDEM 1988: 6–7]. Впрочем, при всей дробности приведенных обозначений не следует забывать, что все эти разновидности ЦСЛ мы пока научились различать главным образом на основании графических и фонетико-орфографических признаков. Не стоит также упускать из виду, что за региональной спецификой, столь интересной для национальных филологий, мы гораздо меньше обращаем внимание на инвариант всех этих разновидностей, для которого Пиккио предложил обозначение “церковнославянские изонормы” [Picsnio 1967: 1533 и след.; IDEM 1982], хотя именно в нем, в этом инварианте, и следует искать собственно ЦСЛ.

Н. И. Толстой [1961: 41, 47 и след.] — вероятно, вслед за Будиловичем [1892: 1 и след.] или Шахматовым [1915: 5, 36] — предложил описывать эволюцию ЦСЛ как смену эпох централизации и децентрализации. Центростремительные процессы, согласно этому взгляду, состоят в том, что графико-орфографические и другие нормы одного определенного региона воспринимаются в других регионах как образец, в то время как при центробежном развитии в каждом регионе нормы складываются по-своему. Если язык церковнославянских текстов не именуется (как в большинстве случаев) *словенский (славенский, славянский)*, он, как правило, получает то же обозначение, что и местный язык, т. е. у восточных славян / русских — *русский*, у болгар — *болгарский*, у сербов — *сербский*. В рамках теории диглоссии в этом можно было бы увидеть указание на то, что ЦСЛ расценивался как *high version* соответствующего местного языка. Бросается, однако, в глаза, что не так уж редко носители отмечали и противопоставленность ЦСЛ своему языку, в частности, когда у южных славян его называли “русским” или в России — “сербским” [Толстой 1976: 123]. Ясное осознание региональной специфики можно видеть там, где в орфографическом отношении источники из другого

региона (например, древнеболгарские тексты в восточнославянских землях) подвергаются адаптации к местным правилам (о такого рода механизмах см.: [Запольская 1991]). Такое местное “awareness of the norm” (‘сознание нормы’ [GARVIN 1959]) еще более явно тогда, когда книжники, ссылаясь на собственную языковую традицию, отвергают какие-либо тексты из-за чуждых написаний, как делает, в частности, Нил Курлятев, который в 1552 г. усматривает в приписываемых митрополиту Киприану рукописях “сербский или болгарский” элемент [КЕРПЕРТ 1985], или когда при переиздании в Москве грамматики М. Смотрицкого в 1648 г. даже язык-объект первоиздания 1619 г. подвергается тщательному редактированию [Норватсч 1964: 37–49]. Однако и при ретроспективном взгляде современной науки представляемые как “влияния” феномены централизации вызывают дискуссии. Ряд историков языка решительно отвергают введенное в науку Соболевским в 1894 г. понятие (“второе”) южнославянское влияние” на русскую письменность XIV–XV в. (см. о нем: [Успенский 1987: 181–226]) на том основании, что якобы не все связанные с этим процессом языковые новшества обязательно имели южнославянское происхождение [WORTH 1983] и, в частности, новые орфограммы могли бы найти объяснение во внутренних процессах русской письменности [Жуковская 1987А]. Напротив, вне дискуссий находится основательная переориентация московского ЦСЛ в середине XVII в., с которой начинается сведение воедино юго-западнорусской (рутенской) и московской традиций языка и текстов и образование единого “общерусского” типа новоцерковнославянского языка (*общерусского церковнославянского языка* — ср. вслед за [Будилович 1892: 149–152] и за [Трубецкой 1927: 176] в наше время: [Успенский 1987: 275–345], однако имеет значение, идет ли речь, как у Успенского, о “третьем южнославянском влиянии”, или, как у Шевелева, о “третьем церковнославянском влиянии”, или же, как у Шахматова, просто о “южнорусском [т. е. украинском — Г. К.] влиянии” [ШАХМАТОВ, СНЕВЕЛОВ 1960: 38, 78]).

Нельзя не сказать и о том, что редакции ЦСЛ в прошлом открыто конкурировали между собой и что подчас с их помощью целенаправленно делалась политика, по крайней мере культурная.

Так, в истории хорватского глаголического книгопечатания XVII и XVIII века слышат “римской” или “русской” эпохой, в которую “глаголяши получили книги, но утратили язык”. Дело в том, что *Congregatio de propaganda fide* была заинтересована в употреблении единого для всех славян ЦСЛ, и начиная с 1648 г. язык издававшихся по преимуществу в Риме литургических книг был ориентирован на орфографические и грамматические нормы восточнославянских грамматик ЦСЛ, что в ретроспективе может рассматриваться как одна из причин позднейшего

затухания глаголической традиции (см.: [NAZOR 2002: 48–49] и, кроме [НАММ 1971], в особенности [ВАВИЃ 2000], а также [TRUNTE 2009]).

Путем административных мер Святейший синод в XVIII в. подчинил, как известно, киевскую церковную печать С.-Петербургу и тем самым утвердил в сфере своего влияния единый ЦСЛ, который Трубецкой назвал общерусским [PLÄHN 1978: 202]. Равным образом подавление неугодной конкурирующей редакции имело место в отношении старообрядцев, которые хотели удержать дониконовские тексты: долгое время возможность печатать книги в своей стране была для них закрыта [ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1996].

Кроме того, не без далеко идущих планов, Россия начиная с XVIII в. весьма успешно распространяла свои церковные издания в южнославянских землях. Понятно, почему Е. Копитар в своем “Библиотечном отчете” (“Bibliothekarischer Bericht”) 1827 г. предлагал, как уже упоминалось, покупать славянские рукописи с Афона: “Они имеют неизмеримое политическое значение для того времени, когда станет возможным тем девяти или десяти миллионам добрых южных славян, которые за последние 150 лет при попустительстве соседей попали под русское влияние, дать свой, отечественный, национальный и антирусский центр на очищенном от следов русского употребления, истинном и законном церковном языке Мефодия” [ЛУКАН 1995: 192]. Речь в данном случае шла о том, чтобы путем целенаправленного создания нового типа новоцерковнославянского языка в австро-славянских целях противостоять российскому влиянию на Балканах.

В XX в. противостояние хотя и ограничивалось вопросами терминологии, но и не было делом лишь отдельных ученых. На Пражском съезде славистов 1929 г. Ст. Младенов решительно выступил против четвертого тезиса Дурново и сделал попытку — тщетную — путем голосования участников добиться того, чтобы впредь язык “славянских апостолов” именовался исключительно “древнеболгарским” [МЛАДЕНОВ 1931: 307]. Еще в 1980-е гг. между болгарской и советской Академиями наук сохранялись ощутимые разногласия по поводу того, что в факсимильном издании Святославова изборника 1073 г., вышедшем в 1983 г. в СССР, язык этого памятника назван “древнерусским” [ВЕНЕДИКТОВ 2007]. В современном учебнике по истории болгарского языка можно даже прочитать, что ЦСЛ вообще вплоть до XVI или XVII в. должен называться “древнеболгарским”; терминология локальных вариантов здесь такова: *моравско-панонската, хърватската, сръбската, руската и румънската редакция на Кирило-Методиевия* (или: *старобългарския*) *език*; “церковнославянским” авторы называют только язык издаваемых в России в XVIII–XX вв. церковных книг [ИВАНОВА-МИРЧЕВА,

ХАРАЛАМПИЕВ 1999: 241]. Впрочем, лишь немногие из коллег за пределами Болгарии склонны поддержать такого рода рекомендации (ср., однако: [Тот 1985]).

12. Диафазные (функциональные) разновидности

Независимо от исторической изменчивости и региональных различий, ЦСЛ обычно рассматривается как в значительной степени гомогенный язык. Возможно, и тут мы имеем дело с одним из предрассудков, порожденных пиететом по отношению к древнецерковнославянскому и рассмотрением его по преимуществу со структурно-языковой (в младограмматическом духе) точки зрения, ведь в определенный момент в определенном регионе можно констатировать известную языковую вариативность ЦСЛ в текстах различных жанров и типов.

С функциональной точки зрения ЦСЛ сейчас богослужебный язык, т. е. его употребление ограничено сферой богослужения. На связь с церковным узусом указывает появляющееся в XVIII в. обозначение *церковный язык*, которое в то время было тем более точным, что после реформы алфавита, проведенной Петром I в начале века, печать на ЦСЛ явственно отличалась от новой *гражданской печати* (указание на ранний, 1726 года, пример именованного ЦСЛ “церковным” — *ecclesiasticus slavonicus stylus* — см. в: [Живов 1996а: 12]); понятно в этой связи, почему свой словарь нуждающихся в объяснении слов Петр Алексеев публикует в 1771 г. под заголовком “Церковный словарь” (немецкие современники называли его *Kirchenlexikon*).

Функционально обусловленная вариативность лексико-синтаксических средств выражения в ЦСЛ в значительной мере, как можно показать, объясняется различиями в лексической и синтаксической сложности тех иноязычных текстов (греческих, латинских или древнееврейских), которые служили оригиналами славянских переводов. Еще М. Вайнгарт отмечал, что наглядный рассказ евангелий предъявляет иные требования к языку перевода, чем затрудненное построение фразы и многочисленные специальные термины догматических или церковно-юридических сочинений [WEINGART 1939: 570]. Существенное влияние на формулировки перевода оказывал выбор переводческой техники, также зависимый от функции текста (см., в частности: [КЕРПЕРТ 1977, 1: 84–99; TROST 1978: 13–22; МАТХАУЗЕРОВА 1979: 27–56; TASEVA, VOSS 2005]). Крайне любопытно понять, в какой мере ЦСЛ переводов, составляющих существенную часть той письменности, которую следует считать церковнославянской, отличается от ЦСЛ непереводаемых текстов тех же жанровых / функциональных типов. По крайней мере в лексике безусловно есть некоторое количество единиц, употребление которых ограничено

переводными текстами, а определенные синтаксические конструкции употребляются по крайней мере с разной частотой в переводных и непереводных текстах (ср. о синтаксических стратегиях разных древнеславянских письменных регистров: [Живов 2017, 1: 325–657]). Интересно также узнать, чем именно достоверные переводы с латыни [Соболевский 1900; FREIDNOF 1972; WESTERS-DILGER 1992; TOMELLERI 2004; IDEM 2006; DIDDI 2007] отличаются от значительно более многочисленных переводов с греческого; существенно различен как минимум спектр переводческих ошибок, объясняющихся структурами оригинала; типология таких ошибок в переводах с греческого [THOMSON 1988] включает и обусловленные греческой диглоссией ляпусы [Voss 2004].

Очевидно в любом случае, что в ЦСЛ существовала (и существует сейчас) значительная, обусловленная модусом употребления вариативность и что в употреблении ЦСЛ следует принципиально различать письменную форму, устное произнесение и пение. Другое дело, что устная речь далеких времен давно отзвучала, и ее непосредственное изучение невозможно, не говоря уже о том, чтобы последовательно и во всех деталях выявить несоответствия между письменной и устной речью / пением (см.: [GARDNER 1983–1987] и недавно: [Лозовая, Шевчук 2000]) или даже реконструировать всю систему правил церковного произношения в разных регионах на протяжении столетий.

О том, что ЦСЛ раньше ассоциировался прежде всего с письменным языком, свидетельствуют, в частности, словосочетания с прилагательным *книжный*, в которых это слово выступает едва ли не как синоним прилагательного *церковнославянский*, ср., например, *книжный месяц* vs. *лунный месяц* у Кирика Новгородца (XII в.), *книжная речь* vs. *общая речь* у Зиновия Отенского (XVI в.) или *книжное письмо* vs. *скоростное письмо* (XVII в.). Это значение эпитета *книжный* давало возможность в советское время использовать термин *книжно-славянский* в качестве эвфемизма для *церковнославянский* (как это делал В. В. Виноградов). Долгое время полагали, что церковнославянские тексты читали просто по правилам фонетики местного языка, так как орфография, как казалось, свидетельствует о довольно последовательном приспособлении ее к соответствующей языковой среде. Однако особые правила произношения существуют еще и сегодня, в частности, в русском ЦСЛ [PLÄHN 1978], и уже ШАХМАТОВ [1925: 28–31, 32–37; ШАХМАТОВ, SNEVELOV 1960: 17–21, 23–28] находил в современном русском словаре многочисленные следы существования в прошлом специфического церковного произношения, в частности такие, как нерегулярная вокализация слабых редуцированных (*совет, множество*) или отсутствие перехода *e > o* в словах *крест, современный*. Предположение об особых орфоэпических традициях

ЦСЛ было затем подкреплено исследованиями произношения ряда старообрядческих общин, сохранявшего вплоть до XX в. следы дониконовской устной литургической традиции [Успенский 1968], а также систематическим анализом древних гимнографических рукописей [Успенский 1973: 209–245; ИДЕМ 1988а: 143–208] и данными церковной антропоники [ИДЕМ 1969] (ср., однако, мнение Малковой [1987], по-прежнему настаивающей на тезисе о гомогенности).

Каковы языковые особенности различных жанров церковнославянской письменности, ясно пока только в самых общих чертах, так как хорошо исследованный древнецерковнославянский корпус отражает не весь спектр функциональных типов текстов, а соответствующие исследования позднейших текстов по большей части отсутствуют. О таких обусловленных тематикой и жанром различиях в словаре можно составить представление путем сравнения словоуказателя к одному из древнецерковнославянских четвероевангелий со словоуказателем, к примеру, к “Богословию” или “Шестодневу” Иоанна экзарха Болгарского [SADNIK 1983; AITZETMÜLLER 1975, 7], или к служебной декабрьской минее [CHRISTIANS 2001], или же к “Ильине книге” [КРЫСЬКО 2005]. Примером грамматических особенностей может служить необычный для существительного среднего рода *слово* вокатив *слове*, обязанный своим возникновением христианскому значению греч. *Λόγος* как обозначения Иисуса Христа при обращении; прагматически обусловлена и довольно ранняя замена — прежде всего в служебниках и гимнографии — форм 2 ед. аориста и имперфекта, совпадающих с формой 3 ед., на перфектную *л*-форму с *еси* [Успенский 1987: 226, 151–166]: богослужение требовало однозначности языковых действий. О функциональных и жанровых различиях как важной проблеме изучения ЦСЛ впервые подробно заговорил Н. И. Толстой на примере сербской традиции, правда, он обращал внимание не столько на “внутрицерковнославянскую” гетерогенность языка, сколько на различия в доле местного языка, в данном случае сербского, и включал в свою классификацию также непере译ную сербскую письменность. Модель Толстого строится как пирамида и включает 14 классов текстов; вершину образуют те из них, которые в наибольшей степени контролировались церковью и допускали наименьшее число местных языковых черт, в то время как следующие по порядку ярусы характеризуются возрастающим их числом:

1. Конфессионально-литургическая литература
2. Конфессионально-гимнографическая литература
3. Агиографическая литература
4. Панегирическая литература
5. Конфессионально-учительная литература и патристика

6. Конфессионально-юридическая литература
7. Апокрифическая литература
8. Историческая литература
9. Повествовательная литература
10. Паломническая литература
11. Натуралистическая и философско-филологическая литература
12. Светско-юридическая литература
13. Деловая письменность
14. Бытовая письменность

У основания этой дополненной переходными явлениями пирамиды располагается, согласно Толстому, фольклор, который, имея только устную традицию, не сохранился, но несомненно содержал наибольшую долю сербского элемента, точно так же как вершинный класс текстов был, очевидно, наиболее церковнославянским [Толстой 1978], ср. также: [ИДЕМ 1989:19]. Против этой модели были выдвинуты, не без оснований, возражения [АЛЕКСЕЕВ 1989: 153], но есть и ученые, которые настоятельно рекомендуют применять ее в отношении восточнославянской письменности [ВЕРЕЩАГИН 1989]. Проверка этой модели в отношении норм ЦСЛ ждет своего осуществления, однако имеет смысл подумать и об альтернативных моделях.

13. Индивидуальные и групповые разновидности

Некоторые обозначения ЦСЛ связаны с определенными людьми и группами людей, которым более или менее прямо приписывается авторство данного варианта этого языка. Самое известное из этих обозначений, пожалуй, — термин *кирилло-мефодиевский церковнославянский*. В узком смысле он подразумевает язык созданных в IX в. и дошедших до нас лишь в более поздних рукописях переводов “славянских апостолов” Константина-Кирилла и Мефодия (в самом же узком смысле — только несохранившийся праЦСЛ, см. о нем п. 10) [МАРТИ 1987в]; в более широком смысле имеется в виду древнецерковнославянский / древнеболгарский / старославянский рукописного корпуса в целом, а в еще, быть может, более широком смысле — язык культурно-языковой общности, которую Р. Марти назвал “*Slavia cyrillo-methodiana*” [МАРТИ 1988: 197 и далее]. В ходу и такие обозначения, как *Евфимиев* и *Мелетиев ЦСЛ* — и тогда речь идет о языке текстов, относящихся к деятельности болгарского патриарха Евфимия и, как полагают, созданной им “Тырновской школы” (не все атрибуции убедительны [ТАЛЕВ 1973]); или о таких текстах, которые лежат в сфере влиятельной западноевропейской по происхождению традиции церковнославянской грамматики

Мелетия Смотрицкого 1619 г. и последующих ее изданий. Различение, далее, *дониконовского* и (*после*)*никоновского ЦСЛ* маркирует тот глубокий языковой рубеж, который был результатом реформ, проведенных московским патриархом Никоном в середине XVII в., и вызванного ими раскола церкви на “никониан” и “староверов”, или “старообрядцев”. Используется, наконец, название *синодальный ЦСЛ*, относящееся к языку последних подготовленных в России под контролем Святейшего синода редакций прежде всего (но не только) библейских новоцерковнославянских текстов [МАТНЕСЕН 1972]. Перечень этот можно было бы продолжить. Рассматривая ЦСЛ под таким углом зрения, целесообразно было бы не ограничиваться только описанием языка-объекта определенных текстов и групп текстов, но, вслед за Матиесеном [ИДЕМ 1984: 56], направлять внимание на стоящие за данными текстами или по меньшей мере выводимые из них метаязыковые взгляды (*metalinguistic doctrine* — см. также: [МАТХАУЗЕРОВА 1979: 25–55]). Такой подход успешно осуществлен, в частности, при анализе источников грамматики Смотрицкого 1619 г. [КОСИУВА 1975], а также в исследованиях загребской рукописи Шестоднева 1469 г. [ТРОСТ 1978], “Догматики” в переводе Курбского [BESTERS-DILGER 1992], славянского “Паренесиса” Ефрема Сирина [VOSS 1997] или монументального “*Corpus Aegrapagiticum*” Исаяи Серского [ФАИЛ, ФАИЛ 2013], что позволило прийти к более ясным представлениям о, возможно, поддающихся персонализации стратегиях перевода, а также о принципах работы целых “переводческих школ” (ср. уже в [HANSACK 1975: 18]: “пословный перевод [. . .] в стиле Кирилла”, “свободная перефразирование оригинала [. . .] в духе экзарха Иоанна”, “стиль XIV века”).

Внимания заслуживает также вопрос о том, в какой мере различные религиозные сообщества, использующие сейчас ЦСЛ: русско-православное, грекокатолическое и старообрядческое в восточнославянском ареале или римскокатолическое у чехов и хорватов, — сами по себе, помимо обусловленных местным языком черт, повлияли на облик “своего” типа ЦСЛ, при этом важно, вероятно, учитывать расхождения между греческими и латинскими текстами, составившими основу переводов. Пиккио пробовал определять *Orthodox Slavonic* как более широкое, общекультурное, понятие, а (*Liturgical*) *Church Slavonic* — как более узкий, имеющий религиозную составляющую, термин [PICSNIO 1980: 22] (ср. также: [ИДЕМ 1998]); иначе говоря, прилагательное *Orthodox* он использовал в переносном смысле, не только как обозначение конфессионального направления, и в силу этого не противопоставлял этому термину никакого **Catholic Slavonic*. Бирнбаум, наоборот, под *Westkirchenslavisch* подразумевает именно ЦСЛ, употребляемый на Западе, в

римско-католической церкви, но не вводит никакого **Ostkirchenslavisch* для других вариантов [ВІРНВАУМ 1985], ср. термин *vzhodna cerkvena slovanščina* [ВАВИЇ 2000]. Ни одно из названных здесь простых бинарных противопоставлений не отвечает вполне многообразию религиозных сообществ, которые используют ЦСЛ как богослужебный (литургический) язык.

14. Церковнославянский как “реконструкт”

Многочисленные лакуны в церковнославянской традиции, объясняющиеся утратой текстов или поздними их фиксациями, стали причиной церковнославянских реконструкций — от отдельных снабженных астериском форм, без которых парадигма того или иного слова была бы неполной, и восстановленных в учебных целях “древнецерковнославянских” глав “Жития Константина”, дошедшего до нас в рукописи XV в. [ТРУНТЕ 2003] вплоть до критического издания Й. Вайсом Евангелия (ср.: [НАННИК 1998]) или “Шестоднева” Иоанна экзарха [АЙТЗЕТМÜLLER 1958, 1: 10–11]. Поскольку в этих идеализированных версиях речь заходит о написаниях, формах, конструкциях, которые отсутствуют в древнецерковнославянском корпусе, постольку такого рода реконструкты, подобно формам под звездочкой, заполняющим лакуны парадигмы, следует считать особой разновидностью ЦСЛ, тем более что формы-реконструкты подчас включаются и в описания более поздних стадий ЦСЛ [КАММЕГЕР 1977]. Вновь найденные в монастыре св. Екатерины на Синае листы Синайской Псалтыри расширили древнецерковнославянский корпус и принесли не зафиксированную до тех пор форму И. ед. *кры* [ВІРНВАУМ, СНАЕКЕН 1997: 147] (ранее известна была только форма *кръвь*), подтвердившую верность ее реконструкции. Однако в то же время в грамматиках и словарях древнецерковнославянского для, скажем, глагола *бъдѣти* указывается — из соображений систематичности (формуляр словарной статьи!) — форма 1 ед. презенса, и она не снабжается при этом звездочкой, которая указывала бы на отсутствие этой формы в реальных текстах.

15. Церковнославянский как конструкт

Путем реконструкции лингвист пытается гипотетически восстановить то, что, по-видимому, когда-то существовало, но в силу неблагоприятных обстоятельств не сохранилось. Тот, кто конструирует ЦСЛ, напротив, создает ЦСЛ заново, давая жизнь конструкциям, которых в этом языке прежде не было. Известный, возможно, даже весьма значительный конструктивно-творческий потенциал (Дурново называл его

“искусственным”, *artificiel*, элементом ЦСЛ) присущ этому языку с самого начала его существования, так как всякий переводчик на ЦСЛ должен был для множества новых подлежащих переводу смыслов найти новые формы выражения на славянском языке, как, например, упоминавшийся уже неславянский вокатив *слове* в качестве точного соответствия для христианского смысла греческого Λόγε. К таким переводческим конструктам следует, по-видимому, причислять и неологизм *естьство*- (притяжательное прилагательное к *естьство*), введенный редактором славянского трактата “О восьми частях слова” и обусловленный, вероятно, теми же теологическими соображениями, что и искусственные формы двойственного и множественного числа этого абстрактного существительного [КЕРПЕРТ 1999в: 35 и далее]. Наряду с этим в известной мере “нормальным”, “естественным”, “непосредственным” производством церковнославянских конструктов в текстах, существует также некое “системное” конструирование новых элементов ЦСЛ в некоторых старых грамматиках и словарях, т. е. в сочинениях, в которых современный человек привык видеть скорее описания уже существующих феноменов языка и не ожидает встретить ничего “не-церковнославянского” [КЕРПЕРТ 2001: 376–381].

ЦСЛ язык-объект в парадигмах “Грамматики” Мелетия Смотрицкого (впервые изданной в 1619 г. под заголовком “Грамматики Славенския правилное свнтагма”) в значительной мере заново сконструирован. Так, по аналогии с латинскими грамматиками, в которых склонение греческих слов подчиняется особым правилам, Смотрицкий вводит специальные типы словоизменения для греческих и латинских заимствований различных субстантивных классов; многие формы его многочисленной системы глагольных времен и наклонений едва ли можно обнаружить в церковнославянских текстах; рекомендуемое в этой грамматике “причastoдѣтие”, вводимое по образцу латинских герундия / герундива и греческой -τέου-конструкции, также, как кажется, изобретено Смотрицким, который, между прочим, без смущения предлагает своим читателям в качестве примера согласования прилагательных в роде, числе и падеже не какой-нибудь подходящий пассаж из Нового Завета, а перевод обычного в латинских грамматиках стиха Энния *amicus certus in re incerta cernitur*.

Лексикографические церковнославянские конструкты встречаются в симфониях XVIII в. к церковнославянской Библии: глагольные формы разных лиц и чисел фиксируются в симфонии всегда под заголовочной формой 1 ед. презенса нсв. Так, в симфонии на Псалтырь Антиоха Кантемира (1727) многочисленные употребления глагола совершенного вида *воззваѣти* приводятся под заголовочной формой *взываю*, хотя формы

от основы несовершенного вида *взывати* в Псалтыри вообще не встречаются. Зачастую в качестве заголовочной формы приводятся даже итеративы на *-ыва-*, которые в ЦСЛ, в отличие от русского, отсутствуют: например, *увьдываю(ся)* для форм, которые, по нынешним представлениям, относятся к глаголу *увьдѣти* или *увьсти*. Еще дальше идет Андрей Богданов в своей симфонии на Апостол и Апокалипсис (1737), когда он одну форму глагола *положити* помещает не вместе со множеством других форм под *полагаю*, а под русским глаголом *кладу*. В таких случаях церковнославянский глагол получает русскую аспектуальную характеристику.

Искусственного ЦСЛ немало и у Аврама Мразовича, если считать грамматикой ЦСЛ (как обычно и делается) его изданный в 1794 г. учебник для сербов “Руководство къ славенстѣи граматичѣ”. Множество примеров этого пособия происходят не из церковнославянских текстов, но взяты из немецких примеров венского учебника немецкого языка “Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre” Й. И. Фельбигера (издание 1777 г. и последующие), и это же можно сказать о системе изложения в сербском.

Искусственный характер такого рода грамматических рекомендаций, как, например, у Смотрицкого, не помешал, тем не менее, их позднему применению в реальных текстах.

16. Церковнославянский как язык-эталон

Сорок лет назад группа петербургских ученых под руководством Н. А. Мещерского и А. С. Герда подготовила, опираясь на ранние церковнославянские рукописи, сравнительное синхронное описание различий в эволюции субстантивного склонения в славянских языках в период до XVI в. включительно. Анализу был подвергнут внушительный корпус из более чем 100 текстов и — в случае грамот — собраний текстов южно-, западно- и восточнославянского происхождения. Из каждого источника было учтено по 12 000 словоформ, все именные окончания классифицированы и статистически обработаны, а результаты сведены в таблицы частотности по двум периодам — XI–XIV вв. и XV–XVI вв. Таблицы наглядно показывают более или менее частое употребление или неупотребление того или иного окончания и — на основании этого — сходство и различия между вовлеченными в сравнение регионами, периодами и типами текстов [Герд et al. 1974; 1977]; ср.: [Кемрген 1995: 85]. В своей работе 1998 г. “Церковнославянский язык” с программным подзаголовком “Лингвистические аспекты” Герд вновь обращается к этому исследованию, так как, по мнению ученого, его результаты позволяют с помощью собственно лингвистических критериев определить

синхронную (в названные периоды) меру церковнославянского элемента текста, его “церковнославянскость” (Kirchenslavizität) — многолетний предмет дискуссии прежде всего в русской исторической русистике. В этой связи Герд называет семь основных проблем, которые в его понимании составляют содержание понятия ЦСЛ:

1. ЦСЛ как языковая система определенного типа;
2. Репрезентирующие этот язык тексты;
3. Семантическая и функциональная типология этих текстов;
4. Варьирование ЦСЛ во времени
5. Ареальная типология текстов на ЦСЛ;
6. Степень языковой и стилистической нормативности и литературности текстов на ЦСЛ;
7. Место и роль ЦСЛ в истории славянских письменных языков [Герд 1998: 3].

В качестве иллюстрации первой из названных проблем Герд использует извлеченную из материалов 1970-х гг. таблицу, в которой показана частотность субстантивных окончаний: в проанализированных пробных текстах она колеблется между 42% и 10%. Ранние церковнославянские рукописи Псалтыри, Евангелия и Апостола располагаются в таблице сравнительно плотно на участке от 15% до 11%, что, в интерпретации Герда, демонстрирует в этом интервале один из четырех выделяемых им “типов древнеславянских текстов”, а именно “тип южно-восточнославянских собственно конфессиональных текстов XI–XIV веков” [Герд 1998: 7–9] (в позднейшей версии [Герд, ФЕДЕР 2003: 153–157] добавление материала Остромирова Евангелия расширяет интервал до 16%, и вместо “конфессиональных” речь идет о “церковных” текстах). С языковой точки зрения Герд определяет ЦСЛ как “язык славянских текстов, в которых статистически доминирует определенная языковая эталонная модель”, при этом в качестве эталона для оценки текстов XI–XIV вв. он предлагает древнецерковнославянский (*старославянский язык*), а для текстов XV–XVI вв. — созданную в Тырнове и/или последователями “Тырновской школы” агиографическую прозу [Герд 1998: 11, 9] (о соотношении показателей тырновских текстов и текстов других регионов см.: [ИДЕМ 1986; ИДЕМ 1991]). В 2003 г. Герд заново представил свою модель ЦСЛ, уточнив при этом дефиницию этого языка: “Понятие ‘церковнославянский язык’ представляет собой совокупность эталонных моделей в графике, орфографии, морфологии и синтаксисе, выделенных на статистической основе” [Герд, ФЕДЕР 2003: 150], см. также: [ИВІД.: 143–194]. На первый взгляд, такое определение кажется удовлетворительным; возникают, однако, сомнения, действительно ли выбранные

эталонные группы текстов могут быть применены в этом качестве к церковнославянской языковой традиции, годятся ли они для этого. Как известно, в древнецерковнославянском, рекомендованном в работе 1998 г. в качестве эталона для периода XI–XIV вв., служебники и гимнография, составляющие в восточнославянской традиции почти половину всех сохранившихся рукописей, почти не представлены, а среди тырновских текстов (ср. “конфессионально-повествовательные тексты” в [Герд ет ал. 1974: 11; еідем 1977: 9 и след.]), предложенных на роль эталона для периода XV–XVI вв., совсем нет богослужебных текстов. В работе 2003 г. “эталонная модель именного склонения” для ЦСЛ первого и второго периодов обеспечивается данными вообще только “конфессионально-повествовательных текстов” [Герд, Федер 2003: 157–166]. Даже при чисто лингвистическом анализе церковнославянской письменности не следует забывать о том, что с самого ее начала и по сей день исконную и главнейшую сферу употребления ЦСЛ составляет богослужение и что ЦСЛ всегда был литургическим языком и остается им сейчас (ср.: [Живов 2009]).

17. Библиографическая ситуация

До тех пор, пока не мы не будем иметь более или менее четко очерченных корпусов церковнославянских текстов (или — при другой дефиниции — таких текстов, которые можно назвать церковнославянскими), степень библиографической освоенности научной литературы о ЦСЛ, в настоящее время очень низкая, вряд ли изменится и вряд ли может измениться. Почти во всех библиографических справочниках нельзя не заметить перекося лингвистического интереса (славистики к ЦСЛ) в сторону древнецерковнославянского: систематически подобранную литературу, собранную в одном определенном месте, в них можно найти в лучшем случае для древнецерковнославянского корпуса, в то время как литература к другим церковнославянским текстам если и упоминается, то обычно среди работ по истории того или иного национального языка и там тонет, а и без того немногочисленные работы по современному ЦСЛ или вовсе не попадают в поле зрения читателей-славистов, или оказываются запрятанными в разделах “древнецерковнославянский”, “vieux-slave”, “старославянский язык” и подобных. Составить представление о существующих исследованиях тем более трудно, что во многих библиографиях по славистике, созданных в славянских странах, иностранные публикации или совсем отсутствуют, или учитываются более или менее случайно.

Лучше всего, и к тому же с интернациональным охватом, в ретроспективных библиографиях отражены, безусловно, кирилло-мефодиевские (в широком смысле) штудии. За период до 1980 г. см.: [Ильинский 1934;

Попруженко, Романски 1942; Можаяева 1980; Дуйчев, Кирмагова, Паунова 1983]; продолжение отсутствует, так что для периода после 1980 г. в качестве не вполне настоящей замены можно использовать библиографические данные в теперь уже завершенной “Кирилло-Мефодиевской энциклопедии” [Динеков, Грашева 1985–2004] или в [BIRNVAUM, SCHNAEKEN 1997; EIDEM 1999], а также в статье Дуйчева “Библиографии” в издании [Динекова, Грашева 1985, 1: 177–183]¹². По-прежнему полезен обзор русских публикаций о ЦСЛ за период с 1825 по 1880 г. у Виноградова [1955: 36–65, 188–249], так как “старославянский и церковнославянский язык” он рассматривает как целое; к сожалению, между 1880-м и 1918-м годом, с которого начинается обзор славянского языкознания в Советском Союзе, остается пробел, тем более досадный, что на этот период приходится ряд важных эдиционных и исследовательских публикаций. Важнейшие из существующей массы публикаций, без учета нового ЦСЛ, составили раздел “Древнецерковнославянский и его редакции” (Old Church Slavonic and Recensions) в международной “Избранной библиографии по славянскому языкознанию” [STANKIEWICZ, WORTH 1964]. Насколько жесткой должна была быть селекция для такой “избранной библиографии” — хотя бы из соображений места — можно примерно судить, если сравнить ее с библиографическими сведениями о каждой отдельной глаголической или кириллической рукописи в “Сводном каталоге” [Шмидт 1984; Турилов 2002]. Сам “Сводный каталог”, ввиду отсутствия специальных библиографий по ЦСЛ, может быть рекомендован в качестве вспомогательного инструмента, как и аннотации к ранним церковнославянским изданиям в новейших библиографиях (о таких библиографиях, как и о многочисленных каталогах рукописных книг, здесь нет возможности говорить подробно). Полезно регулярно просматривать списки литературы в книгах и статьях: опыт показывает, что такое чтение почти всегда приносит то или иное старое название, которое может пригодиться в работе, но не обнаруживалось в библиографиях — или потому, что его там нет, или потому, что помещено не там, где его искали. В области церковнославянской лексикографии при взгляде на предшествующую историю славистики в особенности насущна потребность в возможно полной библиографии словоуказателей и выборочных списков слов к отдельным церковнославянским текстам, подчас скрытых в изданиях текстов и в исследовательских работах.

Продолжающиеся библиографии исследований по ЦСЛ включены в ежегодники “Bibliographie linguistique” (Utrecht, Bruxelles, 1949–, 1–) и

¹² Для периода после 1980 г. — преимущественно для памятников, бытовавших на Руси, в том числе западно- и южнославянских по происхождению, однако без учета южнославянских рукописей — см. также: [Буланин 2014] (прим. ред. — А. Г.).

“Rocznik slawistyczny” (Kraków, 1908–1991, 1–46; затем под названием “Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992–”: Warszawa, 1995–), а также — в рамках определенной тематики — в журнал “Byzantinoslavica” (Praha, 1929–1994; о прекращении этой традиции см. Т. 57, 1996: 212–215). Все эти издания как международные органы печати могут, однако, отражать лишь часть действительного объема публикаций и только то, о чем им сообщают из разных стран их корреспонденты. Особенно следует указать на журналы, специально посвященные ЦСЛ или древнейшей славянской письменности и тем самым ее языку: “Slovo. Časopis staroslavenskog zavoda u Zagrebu” (Zagreb, 1952–, 1–), “Старобългаристика / Palaeobulgarica” (София, 1977–, 1–), “Cyrrillomethodianum” (Thessalonique, 1971–1993/1994, 1–17/18), “Полата књигописнама = Polata knjigopis'naja. An information bulletin for the study of early Slavic books, texts and literatures” (Nijmegen или Amsterdam, 1978–1999, 1–30/31.), “Palaeoslavica. International journal for the study of Slavic medieval literature, history and ethnology” (Cambridge, MA, 1993–, 1–) и подобные.

Таким образом, ЦСЛ и со своим пористым библиографическим фундаментом, неудивительным для “языка без народа”, — это совершенно особенный славянский язык с особой судьбой в истории славистики.

Библиография

АЛЕКСЕЕВ 1989

АЛЕКСЕЕВ А. А., “[рец.:] [Толстой 1988], *Вопросы языкознания*, 4, 1989, 149–155.

— 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии = Textgeschichte der slavischen Bibel*, С.-Петербург et al., 1999.

БОБРИК 1990

БОБРИК М. А., “Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России (от XI до XVIII в.)”, *Вопросы языкознания*, 4, 1990, 61–85.

БОНЧЕВ 2002–2012

БОНЧЕВ А., *Речник на църковнославянския език*, 1–2, София, 2002–2012.

БУДИЛОВИЧ 1892

БУДИЛОВИЧ А. С., *Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы*, 2: *Зарождение общего языка на славянском востоке*, Варшава, 1892.

БУЛАНИН 2014

БУЛАНИН Д. М., отв. ред., ИДЕМ, РОМАНОВА А. А., ТВОРОГОВ О. В., ТОМСОН Ф., ТУРИЛОВ А. А., *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги)* (= *Studiorum slavico-orbis*, 7), С.-Петербург, 2014.

БУЛИЧ 1893

БУЛИЧ С. К., *Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке*, 1, С.-Петербург, 1893 [репринт: München, 1986].

ВЕНДИНА 2002

ВЕНДИНА Т. И., *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*, Москва, 2002.

ВЕНЕДИКТОВ 2007

ВЕНЕДИКТОВ Г. К., “Материалы к советско-болгарской дискуссии по некоторым вопросам современной палеославистики”, *Славяноведение*, 2, 2007, 58–94.

ВЕРЕЩАГИН 1989

ВЕРЕЩАГИН Е. М., “Проблемы истории древнеславянского и русского литературного языков”, *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 48/2, 1989, 126–136.

——— 1997

ВЕРЕЩАГИН Е. М., *История возникновения древнеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников*, Москва, 1997.

——— 2001

ВЕРЕЩАГИН А. М., *Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания*, Москва, 2002.

ВИНОГРАДОВ 1955

ВИНОГРАДОВ В. В., ред., *Библиографический указатель по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год*, 3, Москва, 1955.

ВОСТОКОВ 1810

ВОСТОКОВ А. Х., “Примечания Богемца на Шлецерово рассуждение о славенском языке”, in: [КЕИРЕКТ 2006а: 95–127].

——— 1820

ВОСТОКОВ А. Х., “Рассуждение о Славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оною письменным памятникам”, *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском Университете*, 17, 1820, 5–61.

——— 1863

ВОСТОКОВ А. Х., *Грамматика церковно-славянского языка, изложенная по древнейшим оною письменным памятникам*, С.-Петербург, 1863 [репринт: Leipzig, Köln, Wien, 1980].

ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1996

ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. В., *Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. Введение в изучение*, С.-Петербург, 1996.

ГЕРД 1986

ГЕРД А. С., “О синхроническом описании языка древнеславянских центров письменности”, *Вестник Ленинградского университета. Серия 2*, 1, 1986, 62–67.

——— 1991

ГЕРД А. С., “К реконструкции эталонной модели церковнославянского языка”, *Советское славяноведение*, 3, 1991, 64–60.

——— 1998

ГЕРД А. С., *Церковнославянский язык. Лингвистические аспекты*, С.-Петербург, 1998.

ГЕРД, ФЕДЕР 2003

ГЕРД А. С., ФЕДЕР В., *Церковнославянские тексты и церковнославянский язык*, С.-Петербург, 2003.

ГЕРД ET AL. 1974

МЕЩЕРСКИЙ Н. А., отв. ред., ГЕРД А. С., КАПОРУЛИНА Л. В., КОЛЕСОВ В. В., РУСКОВА М. П., ЧЕРЕПАНОВА О. А., *Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности*, Ленинград, 1974.

——— 1977

МЕЩЕРСКИЙ Н. А., отв. ред., ГЕРД А. С., КАПОРУЛИНА Л. В., КОЛЕСОВ В. В., РУСКОВА М. П., ЧЕРЕПАНОВА О. А., *Именное склонение в славянских языках XV–*

- XVI вв. *Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности*, Ленинград, 1977.
- ГИЛЬТБРАНДТ 1882–1885
Гильтбрандт П. А., *Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету*, 1–6, С.-Петербург, 1882–1885 [репринт: München, 1988–1989].
- 1898
Гильтбрандт П. А., *Справочный и объяснительный словарь к Псалтыри*, С.-Петербург, 1898 [репринт: München, 1993].
- ГОРШКОВ 1987
Горшков А. И., “Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке”, in: [Жуковская 1987в: 7–29].
- ДИНЕКОВ, ГРАШЕВА 1985–2004
Диников П., Грашева Л., ред., *Кирило-Методиевска енциклопедия*, 1–4, София, 1985–2004.
- ДУЙЧЕВ, КИРМАГОВА, ПАУНОВА 1983
Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А., *Кирилometодиевска библиография, 1940–1980*, София, 1983.
- ДУРНОВО 1924–1927
Дурново Н. Н., “Русские рукописи XI–XII вв. как памятники старославянского языка”, *Južnoslovenski filolog*, 6, 1924, 72–94; 5, 1925–1926, 93–117; 6, 1926–1927, 11, 64 (Перепечатано в: [Идем 2000: 391–49]).
- 2000
Дурново Н. Н., *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000.
- ЖИВОВ 1988
Живов В. М., “Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков”, in: *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва, 1988, 49–98.
- 1996а
Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.
- 1996в
Живов В. М., “О церковнославянском языке”, in: А. А. Плетнева, А. Г. Кравецкий, *Церковно-славянский язык*, Москва, 1996, 12–23.
- 1998–1999
Живов В. М., “Первый литературный язык славян”, *Ricerche slavistiche*, 45–46, 1998–1999, 99–136.
- 2000
Живов В. М., “Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания”, in: [Дурново 2000: 7–37].
- 2004
Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.
- 2006
Живов В. М., *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006.
- 2009
Живов В. М., “[рец.:] Герд А. С., Лингвистическая типология древнеславянских текстов. С.-Петербург, 2008”, *Русский язык в научном освещении*, 1, 2009, 312–314.
- 2017
Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1–2, Москва, 2017.

Живов, Кайперт 1996

Живов В. М., Кайперт Г., “О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского”, *Вопросы языкознания*, 6, 1996, 3–30.

Жуковская 1969

Жуковская Л. П., “Памятники русской и славянской письменности XI–XIV вв. в книгохранилищах СССР”, *Советское славяноведение*, 1, 1969, 57–71.

——— 1976

Жуковская Л. П., *Текстология и язык древнейших славянских памятников*, Москва, 1976.

——— 1987А

Жуковская Л. П., “Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочном понятии ‘второе южнославянское влияние’)”, in: [ЕАДЕМ 1987В: 144–176].

——— 1987В

Жуковская Л. П., отв. ред., *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, Москва, 1987.

Запольская 1991

Запольская Н. Н., *История русского литературного языка. Методические указания для студентов филологических факультетов государственных университетов*, Москва, 1991.

Иванова-Мирчева 1969

Иванова-Мирчева Д., “Старобългарски, старославянски и среднебългарската редакция на старославянски”, in: *Константин-Кирил Философ*, София, 1969, 45–62.

——— 1999–2009

Иванова-Мирчева Д., *Старобългарски речник*, 1–2, София, 1999–2009.

Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999

Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И., *История на българския език*, Велико Търново, 1999.

Ильинский 1934

Ильинский Г. А., *Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии*, София, 1934.

Исаченко 1958

Исаченко А. В., “Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов”, *Вопросы языкознания*, 3, 1958, 42–45.

Карпова, Нимчук 1987

Карпова В. Л., Нимчук В. В., ред., *Словарь старославянского языка восточнославянской редакции XI–XIII вв.*, Киев, 1987.

Карский 1928

Карский Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Ленинград, 1928 [репринт: Москва, 1979].

Касаткин 1990

Касаткин Л. Л., “Церковнославянский язык”, in: В. Н. Ярцева, ред., *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 1990, 575–576.

——— 1997

Касаткин Л. Л., “Церковно-славянский язык”, in: Ю. Н. Караулов, глав. ред., *Русский язык. Энциклопедия*, Москва, 1997, 615–616.

Кондрашов 1967

Кондрашов Н. А., сост., ред., *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей*, Москва, 1967.

- КОНЕСКИ 1967
КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик*, Скопје, 1967.
- КОПОРСКАЯ 1988
КОПОРСКАЯ Е. С., *Семантичка историја славянизмов в руском литературном языке нового времени*, Москва, 1988.
- КОПЫЛЕНКО 1966
КОПЫЛЕНКО М. М., “Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности?”, *Советское славяноведение*, 1, 1966, 36–41.
- КРАВЕЦКИЙ, ПЛЕТНЕВА 2001
КРАВЕЦКИЙ А. Г., ПЛЕТНЕВА А. А., *История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.)*, Москва, 2001.
- 2016
КРАВЕЦКИЙ А. Г., ПЛЕТНЕВА А. А., ред., *Большой словарь церковнославянского языка нового времени*, 1: А–Б, Москва, 2016.
- КРИВКО 2016
КРИВКО Р. Н., “Языковые особенности древнейшего списка Учительного евангелия Константина Пресвитера: от восточнославянской рукописи к южнославянскому архетипу”, *Slověne*, 5/2, 2016, 340–363.
- КРЫСЬКО 2005
КРЫСЬКО В. Б., изд., подг. греч. текста, коммент., словоуказатели, *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131*, Москва, 2005.
- ЛЕСКИН 1890
ЛЕСКИН А., *Грамматика старославянского языка А. Лескина. Перевод с немецкого с дополнением по языку Остромирова Евангелия*, Москва, 1890.
- ЛИХАЧЕВ 1962
ЛИХАЧЕВ Д. С., *Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)*, Москва, Ленинград, 1962.
- ЛОЗОВАЯ, ШЕВЧУК 2000
ЛОЗОВАЯ И. Е., ШЕВЧУК Е. Ю., “Церковное пение”, in: *Православная энциклопедия. Русская православная церковь*, Москва, 2000, 599–610.
- ЛОМОНОСОВ 1758/2011
ЛОМОНОСОВ М. В., “Предисловие о пользе книг церковных в российском языке”, in: ИДЕМ, *Полное собрание сочинений, 7: Труды по филологии, 1739–1758*, Москва, С.-Петербург, 2011, 467–472, 785–794.
- ЛЮДОГОВСКИЙ 2003
ЛЮДОГОВСКИЙ Ф. Б., “Современный церковнославянский минейный корпус: состав и структура”, in: А. М. Молдован, А. Г. Кравецкий, ред., *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003*, Москва, 2003, 500–528.
- МАЛКОВА 1987
МАЛКОВА О. В., “Древнерусское литургическое произношение в южной Руси в XII–XIII вв.”, in: [Жуковская 1987в: 129–143].
- МАТХАУЗЕРОВА 1979
МАТХАУЗЕРОВА С., *Древнерусские теории искусства слова (= Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographia, 63)*, Прага, 1976 [1979].
- МИЛАНОВИЋ 2004
МИЛАНОВИЋ А., *Кратка историја српског књижевног језика*, Београд, 2004.
- МИНЧЕВА 1987
МИНЧЕВА А., *Старобългарският език в светлината на балканистиката*, София, 1987.

МИРОНОВА 2001

МИРОНОВА Т. Л., *Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI вв.*, Москва, 2001.

МИРЧЕВ 1978

МИРЧЕВ К., *Историческа граматика на българския език*, София, 1978.

МЛАДЕНОВ 1931

МЛАДЕНОВ С., “Последните възражения против старобългарското име на кирило-методиевия език с оглед към новобългарски”, *Prace filologiczne*, 15/2, 1931, 305–335.

— 1979

МЛАДЕНОВ С., *История на българския език*, София, 1979.

МЛАДЕНОВИЋ 1969

МЛАДЕНОВИЋ А., “Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вуковске стандардизације”, *Зборник за филологију и лингвистику*, 12, 1969, 43–51.

МОЖАЕВА 1980

МОЖАЕВА И. Е., *Библиографија по кирилло-мефодиевској проблематици, 1945–1974 гг.*, Москва, 1980.

МОЛДОВАН 1986

МОЛДОВАН А. М., “Палеославянская лексикография”, in: *Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): итоги и перспективы*, Москва, 1986, 18–28.

НИМЧУК 1964

НИМЧУК В. В., підг. текстів, вступ. ст., *Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская*, Київ, 1964.

ПИККИО 2003

ПИККИО Р., *Slavia orthodoxa: Литература и язык*, Москва, 2003.

ПИЧХАДЗЕ 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

ПОПРУЖЕНКО, РОМАНСКИ 1942

ПОПРУЖЕНКО М. Г., РОМАНСКИ С., *Кирилометодиевска библиографија за 1934–1940 год*, София, 1942.

РОБИНСОН 1998

РОБИНСОН М., “Влияние идеологии на изучение литературы русского средневековья”, in: *Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie Stará Lesná, September 1997*, Bratislava, 1998, 122–135.

РЦЈМР 2000–

РИБАРОВА З., ред., *Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција*, 1–9–, Скопје, 2000–2008–.

САВИЋ 2016

САВИЋ В., “Српска редакција црквенославенског језика: од св. Климента, епископа словенског, до св. Саве, архиепископа српског”, *Slověne*, 5/2, 2016, 231–339.

САВИЋ, ЈОВАНОВИЋ 2007

САВИЋ В., сост., ЈОВАНОВИЋ Г., ур., *Српскословенски речник јеванђеља. Огледна свеска*, Београд, 2007.

СЕДАКОВА 2005

СЕДАКОВА О. А., *Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю*, Москва, 2005.

——— 2008

СЕДАКОВА О. А., *Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы*, Москва, 2008.

СИРОМАХА, УСПЕНСКИЙ 1987

СИРОМАХА В. Г., УСПЕНСКИЙ Б. А., “Кавычные книги 50-х гг. XVII века”, in: *Археографический ежегодник за 1986 год*, Москва, 1987, 75–84.

СЛРЯ XVIII в. 1984–2011, 1–19–

Словарь русского языка XVIII века, 1–19–, Ленинград, С.-Петербург, 1984–2011–.

СОБОЛЕВСКИЙ 1900

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., “Церковнославянские тексты моравского происхождения”, *Русский филологический вестник*, 43, 1900, 150–217.

СОВЕТУВАНЈЕ 1989

Советуванје за работата врз редакциските речници на црковнословенскиот јазик во југословенските центри, Скопје, 1989.

СУПРУН, МОЛДОВАН 2005

СУПРУН А. Е., МОЛДОВАН А. М., “Старославянский и церковнославянский язык”, in: *Языки мира. Славянские языки*, Москва, 2005, 29–69.

ТОЛСТОЙ 1961

ТОЛСТОЙ Н. И., “К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян”, *Вопросы языкознания*, 1, 1961, 52–66 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 34–52]).

——— 1962

ТОЛСТОЙ Н. И., “Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв.”, in: *Вопросы образования восточнославянских национальных языков*, Москва, 1962, 5–21 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 87–108]).

——— 1963

ТОЛСТОЙ Н. И., “Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.)”, in: *Славянское языкознание, 5-й Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва, 1963, 230–272 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 52–87]).

——— 1976

ТОЛСТОЙ Н. И., “Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)”, in: *Вопросы русского языкознания*, 1, Москва, 1976, 177–204 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 108–127]).

——— 1978

ТОЛСТОЙ Н., “Однос старог српског књишког језика према старом словенском језику”, in: *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 8, Београд, 1978, 15–25 (русский перевод “Отношение древнесербского книжного языка к древнеславянскому языку (В связи с развитием жанров в древнесербской литературе)”, in: [Толстой 1988: 164–173]).

——— 1982

ТОЛСТОЙ Н. И., “Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян”, in: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*, Москва, 1982, 236–249.

——— 1988

ТОЛСТОЙ Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

——— 1989

ТОЛСТОЙ Н. И., “Древнеславянский литературный язык в XII–XIV вв. (его функции и специфика)”, in: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*, Москва, 1989, 14–24.

——— 1990

Толстой Н. И., “Старославянский язык”, in: В. Н. ЯРЦЕВА, ред., *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 1990, 491–492.

——— 1995

Толстой Н. И., “*Slavia orthodoxa* и *Slavia latina*. Общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки)”, *Ricerche slavistiche*, 42, 1995, 89–102.

Тот 1985

Тот И., *Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.*, София, 1985.

Трубецкой 1927

Трубецкой Н. С., “Общеславянский элемент в русской культуре”, in: ИДЕМ, *К проблеме русского самопознания*, Париж, 1927, 54–94 (перепечатано: *Вопросы языкознания*, 2, 1990, 121–139; 3, 114–134; здесь цит. по: ИДЕМ, *История. Культура. Язык*, Москва, 1995, 162–208).

Турилов 2000

Турилов А. А., “Духовная литература и письменность. X–XVII вв.”, in: *Православная энциклопедия. Русская православная церковь*, Москва, 2000, 372–406.

——— 2002

Турилов А. А., гл. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская*, Москва, 2002.

Успенский 1968

Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.

——— 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен. (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

——— 1973

Успенский Б. А., “Древнерусские кондакари как фонетический источник”, in: *Славянское языкознание. 7-ой Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва, 1973, 314–346 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 209–245]).

——— 1983

Успенский Б. А., *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, Москва, 1983.

——— 1984

Успенский Б. А., “Старославянский и церковнославянский”, in: *Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка*, Москва, 1984, 43–53.

——— 1985

Успенский Б. А., *Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*, Москва, 1985.

——— 1987

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, München, 1987.

——— 1988А

Успенский Б. А., “Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров)”, in: *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва, 1988, 99–156 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 143–208]).

- 1988в
Успенский Б. А., “М. В. Ломоносов о соотношении церковнославянского, древнерусского и «древнего славянского» языков”, *Kalbotyra: Mokslo darbai*, 39/2, 1988, 13–20 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 657–666]).
- 1995
Успенский Б. А., “История русского литературного языка как межславянская дисциплина”, *Вопросы языкознания*, 1, 1995, 121–142 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 121–142]).
- 1997
Успенский Б. А., *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997.
- 2002
Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002.
- Филин 1981
Филин Ф. П., *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва, 1981.
- Филкова 1986
Филкова П. Д., *Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка. Учебный словарь*, 1–3, София, 1986.
- 1988
Филкова П. Д., “Староболгарский вклад в развитие лексики русского литературного языка”, in: *Славянска филология*, 19: *Езикознание*, София, 1988, 64–74.
- ХАБУРГАЕВ 1984
ХАБУРГАЕВ Г. А., “Старославянский – церковнославянский – русский литературный”, in: *История русского языка в древнейший период* (= Вопросы русского языкознания, 5), Москва, 1984, 5–35.
- 1988
ХАБУРГАЕВ Г. А., “Старославянский как язык средневековой славянской культуры”, in: *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва, 1988, 5–48.
- 1994
ХАБУРГАЕВ Г. А., *Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности*, Москва, 1994.
- Цейтлин 1963
Цейтлин Р. М., “[Ответ]”, in: *Славянска филология*, 1: *Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание*, София, 1963, 15.
- 1994
Цейтлин Р. М., ред., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994.
- Црвенковска 2016
Црвенковска Э., “Првобитниот словенски комплекс на богослужбени книги по византиски обред («корпусот на Климент») и формирањето на македонската редакција на црковнословенскиот”, *Slovĕne*, 5/2, 2016, 198–230.
- ШАХМАТОВ 1915
ШАХМАТОВ А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Петроград, 1915.
- 1925
ШАХМАТОВ А. А., *Очерк современного русского литературного языка*, Ленинград, 1925.
- Шмидт 1984
Шмидт С. О., ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.*, Москва, 1984.
- Щепкин 1918
Щепкин В. Н., *Русская палеография*, Москва, 1918 [репринт: Москва, 1967].

AITZETMÜLLER 1958–1975, 1–7

AITZETMÜLLER R., *Das Hexaameron des Exarchen Johannes*, 1–7, Graz, 1958–1975.

——— 1991

AITZETMÜLLER R., *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2., verbesserte und erweiterte Auflage, Freiburg i. Br., 1991.

BABIČ 2000

BABIČ W., *Vpliv vzhodne cerkvene slovanščine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju*, Ljubljana, 2000.

BESTERS-DILGER 1992

BESTERS-DILGER J., *Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert*, Freiburg i. Br., 1992.

BIELFELDT 1961

BIELFELDT H. H., *Altslawische Grammatik. Einführung in die slawischen Sprachen*, Halle (Saale), 1961.

BIRNBAUM 1985

BIRNBAUM H., "Zur Problematik des Westkirchenslavischen," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 53–65.

BIRNBAUM, SCHAEKEN 1997

BIRNBAUM H., SCHAEKEN J., *Das altkirchenslavische Wort. Bildung – Bedeutung – Herleitung* (= Altkirchenslavische Studien, 1), München 1997.

——— 1999

BIRNBAUM J., SCHAEKEN J., *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern)* (= Altkirchenslavische Studien, 2), München, 1999.

BOBRIK 2011

BOBRIK M., "Zwischen Ostrog und Petersburg: Die kirchenslavische Bibel im 16. – 18. Jh.," *Ostkirchliche Studien*, 60/1, 2011, 48–68.

BUJUKLIEV 2014

BUJUKLIEV I., "Sprachbewusstsein bei den orthodoxen Slaven," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1335–1344].

BUNČIĆ 2006

BUNČIĆ D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besěda. Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk*, München, 2006.

CAPALDO 2006

CAPALDO M., dir., *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*, 3: *Le culture slave*, Roma, 2006.

CHRISTIANS 2001

CHRISTIANS D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 2002.

COSTANTINI 1972

COSTANTINI L., "Note sulla questione della lingua presso i Serbi tra il XVIII e il XIX secolo," in: *Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi*, Roma, 1972, 163–224.

DAMJANOVIĆ 1984

DAMJANOVIĆ S., *Tragom jezika hrvatskih glagoljaša*, Zagreb, 1984.

——— 1993

DAMJANOVIĆ S., *Glasovi i oblici općeslavenskoga književnog jezika*, Zagreb, 1993.

- 1995
DAMJANOVIĆ S., *Jezik otačaski*, Zagreb, 1995.
- 2002
DAMJANOVIĆ S., *Slovo iskona. Staroslavenska/starohrvatska čitanka*, Zagreb, 2002.
- DE VINCENZ 1988
DE VINCENZ A., "Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission," *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongreß in Sofia 1988*, Köln, Wien, 1988, 273–295.
- DESCHLER 2003
DESCHLER J.-P., *Kleines Wörterbuch der kirchenslavischen Sprache*, München, 2003.
- DIDDI 2007
DIDDI CR., "Sul problema delle traduzioni dal latino in paleoslavo (annotazioni in margine)," *Europa orientalis*, 26, 2007, 181–202.
- DJAMO-DIACONIȚĂ 1975
DJAMO-DIACONIȚĂ L., "Redacția românească limbii slavone," in: P. OLTEANU, coord., *Slava veche și slavona românească*, București, 1975, 256–301.
- DOBROVSKÝ 1806
DOBROVSKÝ J., "Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen von J. D.," in: *Slavin*, Prag, 1806, 362–388.
- DOSTÁL 1959
DOSTÁL A., "Staroslověňština jako spisovný jazyk," *Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury*, 3, 1959, 129–137.
- DURNOVO 1929A
[DURNOVO N. N.,] "Les problèmes actuels du slave d'église," *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 21–23.
- 1929B
DURNOVO N. N., "Sur le problème du vieux-slave," *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 139–145.
- FAHL, FAHL 2013
GOLTZ H., PROCHOROV G. M., Hrsg., *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von starec Isaija (14. Jahrhundert)*, 5, S. FAHL, D. FAHL, Hrsg., *Untersuchungen*, Freiburg i. Br., 2013.
- FREIDHOF 1972
FREIDHOF G., *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer*, Frankfurt a. M., 1972.
- GADŽIJEVA ET AL. 2014
GADŽIJEVA S., KOVAČEVIĆ A., MIHALJEVIĆ M., POŽAR S., REINHART J., ŠIMIĆ M., VINCE J., *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*, M. MIHALJEVIĆ, ur. (= Bibliotheca glagolitica croatica, 1), Zagreb, 2014.
- GARDNER 1983–1987
GARDNER, J. VON., *Gesang der russisch-orthodoxen Kirche*, 1–2, Wiesbaden, 1983–1987.
- GARVIN 1959
GARVIN P., "The Standard Language Problem—Concepts and Methods," *Anthropological Linguistics*, 1/3, 1959, 28–31.
- GLIBETIĆ 2015
GLIBETIĆ N., "A New 11th Century Glagolitic Fragment from St Catherine's Monastery: The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai," *Археолошки прилози*, 37, 2015, 11–47.

GRACIOTTI 2006

GRACIOTTI S., "Le lingue letterarie degli Slavi in epoca medievale," in: [CAPALDO 2006: 187–241].

GUTSCHMIDT ET AL. 2014

GUTSCHMIDT K., KEMPGEN S., BERGER T., KOSTA P., Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014.

HAARMANN 2002

HAARMANN H., *Lexikon der untergegangenen Sprachen*, München, 2002.

HAMM 1963

HAMM J., "Hrvatski tip crkvenoslovenskog jezika," *Slovo*, 13, 1963, 43–67.

——— 1971

HAMM J., "Ruska redakcija u glagoljskim spomenicima," *Slovo*, 21, 1971, 213–222.

HANNICK 1998

HANNICK CHR., "Die Rekonstruktion der altslavischen Evangelien bei Josef Vajs und ihre vermeintlichen griechischen Vorlagen," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 943–958.

HANSACK 1975

HANSACK E., *Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung*, 1, Würzburg, 1975.

HINRICHS 2004A

HINRICHS U., "Ist das Bulgarische kreolisiertes Altbulgarisch?" in: U. Hinrichs, U. Büttner, Hrsg., *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 2004, 231–242.

——— 2004B

HINRICHS U., "Wann, warum und wie wurde das Bulgarische zu einer analytischen Sprache? – Ein Beitrag zur Entmystifizierung der Slavistik," *Zeitschrift für Slawistik*, 49, 2004, 381–419.

HOLZER 2002

HOLZER G., "Altkirchenslawisch," in: *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*, Klagenfurt, Celovec, 2002, 187–202.

HORBATSCH 1964

HORBATSCH O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*, Wiesbaden, 1964.

JAGIĆ 1896/1968

JAGIĆ V., *Codex slavonicus rerum grammaticarum. = Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке*, Berlin 1896 [reprint: München, 1968].

JEDLIČKA 1977

JEDLIČKA A., ed., *Slovník slovanské lingvistické terminologie*, Praha, 1977.

KÄMMERER 1977

KÄMMERER H., *Untersuchungen zur Flexion der Substantive in der bulgarischen Schriftsprache des 14./15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur historischen Morphologie*, München, 1977.

KEIPERT 1977–1985, 1–2

KEIPERT H., *Die Adjektive auf -теѣнь. Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp*, 1–2, Wiesbaden, 1977–1985.

——— 1985

KEIPERT H., "Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 143–156.

- 1987
KEIPERT H., "Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleichbarkeit zweier mittelalterlicher Kultursprachen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 81–109.
- 1988
Keipert H., "Die Christianisierung Rußlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte," in: *Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*, Göttingen, 1988, 313–346.
- 1998
KEIPERT H., "Cerkovnoslavjanskij: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre," in: *Лику языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской*, Москва, 1998, 143–152.
- 1999A
KEIPERT H., "Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des »Codex Suprasliensis«, " *Prace filologiczne*, 44, 1999, 275–280.
- 1999B
KEIPERT H., "Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1999, 19–42.
- 1999C
KEIPERT H., "Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague," in: *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*, München, 1999, 123–133.
- 2001
KEIPERT H., "Kirchenslavisch als Konstrukt," *Slavia*, 70, 2001, 374–381.
- 2002
KEIPERT H., "Die Historizität des Slavischen in A. Ch. Vostokovs »Rassuždenie o Slavjanskom jazyke«, " in: *Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana, 2002, 109–126.
- 2004
KEIPERT H., "Wie alt ist der Altbulgarisch-Begriff?" in: *Normen, Namen und Tendenzen der Slavia. Festschrift für K. Gutschmidt*, München, 2004, 493–500.
- 2006A
KEIPERT H., Hrsg. mit M. Š.FAJNŠTEJN, *Das „Sprache“-Kapitel in August Ludwig Schlözers „Nestor“ und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang: Josef Dobrovskýs „Slavin“-Artikel „Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer“ und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov*, Göttingen, 2006.
- 2006B
KEIPERT K., "Церковнославянский in verordnetem Vergessen," in: *Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici*, Maribor, 2006, 129–144.
- 2009
KEIPERT K., "Das Kirchenslavisch-Kapitel in A. S. Budilovičs »Общеславянский язык« (1892)," *Slavia*, 78/3–4, 2009, 379–387.
- 2014
KEIPERT H., "Kirchenslavisch-Begriffe," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1212–1252].
- KEMPGEN 1995
KEMPGEN S., *Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie*, München, 1995.
- KLOSS 1987
KLOSS H., "Abstandsprache und Ausbausprache," in: *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 1, Berlin, New York, 1987, 302–308.

KOCH 1990

KOCH CHR., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums*, 1–2, München, 1990.

KOCIUBA 1975

KOCIUBA O., "The Grammatical Sources of Meletij Smotryč'kyj's Church Slavonic Grammar of 1619" (Ph.D. Diss., Columbia University, Ann Arbor, 1975).

KRONSTEINER 1985

KRONSTEINER O., "Altbulgarisch und/oder Altkirchenslavisch. Eine Glosse zu slavistischen Benennungsmythen," *Die slavischen Sprachen*, 9, 1985, 119–128.

KUNA 1965

KUNA H., "Redakcije staroslovenskog kao literarni jezik Srba i Hrvata," *Slovo*, 15–16, 1965, 183–199.

LESKIEN 1886

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik, Texte, Glossar*, Weimar, 1886.

LUDOLF 1696

LUDOLF H. W., *Grammatica Russica*, Oxonii, A.D. MDCXCVI [Nachdruck: Oxford, 1959].

LUKAN 1995

LUKAN W., "Bartholomäus Kopitars »Bibliothekarischer Bericht« – Ein Dokument des Austroslawismus und die Probleme seiner Veröffentlichung," *Österreichische Osthefte*, 37/1, 1995, 147–194.

MAREŠ 1979

MAREŠ FR. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*, München, 1979.

— 1986

MAREŠ FR. V., "Vom Urslavischen zum Kirchenslavischen," in: *Einführung in die slavischen Sprachen*, Darmstadt, 1986, 1–19.

— 1988

MAREŠ FR. V., "Die neukirchenslavische Sprache des russischen Typus und ihr Schriftsystem," in: П. А. ГИЛЬТБРАНДТ, *Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Nachdruck*, 2, München, 1988, v–xxxvii.

— 1990

MAREŠ FR. W., "Altkirchenslavische Lexikographie," in: *Wörterbücher [. . .]. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*, 2, Berlin, New York, 1990, 2255–2268.

MARTI 1987A

MARTI R., "Archaismen im Altrussischen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 111–124.

— 1987B

MARTI R., "La langue de Constantine-Cyrille et Méthode," *Cyrrillomethodianum*, 11, 1987, 89–102.

— 1988

MARTI R., "Slavia orthodoxa als literar- und sprachhistorischer Begriff," in: *Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages. In Memoriam Ivan Dujčev* (= *Studia slavico-byzantina et medievalia europensia*, 1), Sofia, 1988, 193–200.

— 2014

MARTI R., "Wirkungsgeschichte des Kirchenslavischen," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1326–1335].

MATHIESEN 1972

MATHIESEN R., "The Inflectional Morphology of the Synodal Church Slavonic Verb" (Ph.D. Diss., Columbia University, New York, 1972, Ann Arbor 1972).

- 1979
MATHIESEN R., "Bible, Church Slavonic," in: *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literature*, 3, Gulf Breeze, 1979, 5–12.
- 1984
MATHIESEN R., "The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries)," in: *Aspects of the Slavic Language Question*, 1: *Church Slavonic–South Slavic–West Slavic*, New Haven, 1984, 46–65.
- 2008
MATHIESEN R., "The System and Nature of Church Slavonic Literature (Fifty Theses)," in: *Slavia Orthodoxa & Slavia Romana. Essays Presented to Riccardo Picchio by his Students on the Occasion of his Eightieth Birthday*, New Haven, 2008, 175–207.
- MIHALJEVIĆ, REINHART 2005
MIHALJEVIĆ M., REINHART J., "The Croatian Redaction: Language and Literature," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 31–82.
- MIKLAS 2000
MIKLAS H., Hrsg., *Glagolitica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur* (= Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41), Wien, 2000.
- MIKLAS, SADOVSKI 2014
MIKLAS H., SADOVSKI V., "Die Struktur des Altkirchenslavischen," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1252–1275].
- MIKLOSICH 1876
MIKLOSICH FR., *Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung*, Wien, 1876.
- MLADENOV 1929
MLADENOV S., *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin, Leipzig, 1929.
- NAZOR 2002
NAZOR A., "Die glagolitische Schrift," in: *Drei Schriften, Drei Sprachen. Kroatische Schriftdenkmäler und Drucke durch Jahrhunderte*, Zagreb, 2002, 31–49, 251–257.
- ONASCH 1962
ONASCH K., *Einführung in die Konfessionskunde der orthodoxen Kirchen*, Berlin, 1962.
- PICCHIO 1967
PICCHIO R., "Slave ecclésiastique, slavons et rédactions," in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventeenth Birthday*, 2, The Hague, Paris, 1967, 1527–1544.
- 1980
PICCHIO R., "Church Slavonic," in: *The Slavic Literary Languages*, New Haven, 1980, 1–33, 248–252.
- 1982
PICCHIO R., "On Church Slavonic Isonorms," *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 25–26, 1982, 367–379.
- 1991
PICCHIO R., "Slavia ortodossa e Slavia romana," in: IDEM, *Letteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.)*, Bari, 1991, 7–83.
- 1998
PICCHIO R., "Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' and 'Roman Slavic' Variants of Slavic Culture," in: *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 1–23.
- PICCHIO, GOLDBLATT 2008
PICCHIO R., GOLDBLATT H., "Guidelines to the Study of the Literary Civilization of Orthodox Slavdom," *Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*, Москва, 2008, 66–85.

PLÄHN 1973

PLÄHN J., *Die Wortabkürzungen des Oktoichъ učebnyj von 1915*, Wiesbaden, 1973.

——— 1975

PLÄHN J., "Das moderne russische Kirchenslavisch als linguistischer Gegenstand," *Zeitschrift für slavische Philologie*, 38, 1975, 90–110.

——— 1978

PLÄHN J., *Der Gebrauch des Modernen Russischen Kirchenslavisch in der Russischen Kirche*, Hamburg, 1978.

RCJHR 1991–

NAZOR A., ur., *Rečnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, 1–15–, Zagreb, 1991–2008–.

REINHART 2014

REINHART J., "Das Kroatisch-Kirchenslavische," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1294–1308].

SADNIK 1983

SADNIK L., *Des Hl. Johannes von Damaskus "Εκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes, 4: Index und rückläufiges Wörterverzeichnis*, R. AITZETMÜLLER, Hrsg., Freiburg i. Br., 1983.

SADNIK, AITZETMÜLLER 1955

SADNIK L., AITZETMÜLLER R., *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 's-Gravenhage, 1955.

SCHLÖZER 1802

SCHLÖZER A. L., "[Slavonische] Sprache," in: IDEM, *Nestorъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache verglichen, übersetzt, und erklärt*, 1, Göttingen 1802, 46–52.

SCHRAMM 2007

SCHRAMM G., *Slawisch im Gottesdienst. Kirchenwortschatz und neue Schriftsprachen auf dem Weg zu einem christlichen Südosteuropa*, München, 2007.

SJS 1966–1997

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997.

ŠACHMATOV, SHEVELOV 1960

ŠACHMATOV A. A., SHEVELOV G. Y., *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden, 1960.

STANKIEWICZ, WORTH 1964

STANKIEWICZ E., WORTH D. S., *A Selected Bibliography of Slavic Linguistics*, 1, The Hague, Paris, 1964.

TALEV 1973

TALEV I., *Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia*, München, 1973.

TASEVA, VOSS 2005

TASEVA L., VOSS CHR., "Altkirchenslavische Übersetzungen aus dem Griechischen," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 101–117.

THEISSEN 1996

THEISSEN U., *Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch*, Salzburg, 1996.

THÈSES 1929

"Thèses," in: *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 5–29.

THOMSON 1988

THOMSON FR. J., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations," in: *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress Held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985*, Roma, 1988, 351–380.

- 1998
THOMSON FR. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 605–920.
- TOMELLERI 2004
TOMELLERI V. S., *Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione a tradizione (Con un appendice di testi)*, München, 2004.
- 2006
TOMELLERI V. S., "Traduzioni dal latino nella Slavia ortodossa," in: [CAPALDO 2006: 499–520].
- TROST 1978
TROST K., *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*, München, 1978.
- TRUNTE 1998
TRUNTE N. H., *Славенскии языкъ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie, 2: Mittel- und Neukirchenslavisch*, München, 1998.
- 2003
TRUNTE N. H., *Словньнскѣи языкъ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie, 1: Altkirchenslavisch, 5., völlig neu bearbeitete Auflage*, München, 2003.
- 2009
TRUNTE N. H., "Von Levaković zu Karaman. Die Überwindung der babylonischen Sprachverwirrung bei den Kroaten," in: *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher*, München, Berlin, 2009, 295–319.
- 2014
TRUNTE N., "Neukirchenslavisch," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1320–1326].
- VEČERKA 1984
VEČERKA R., *Staroslověnština*, Praha, 1984.
- 1989–2003
VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, 1–5, Freiburg i. Br., 1989–2003.
- VEDER 2005
VEDER W. R., "Dead on Arrival. Why Church Slavic Would Not Be Reanimated," in: *Speculum Slaviae Orientalis. Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, Moscow, 2005, 222–231.
- VOSS 1997
VOSS CHR., *Die Paränesis Ephraim des Syrerers in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung*, Freiburg i. Br., 1997.
- 1999
VOSS CHR., "[Rez. zu:] Theissen, Ulrich: Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch. Salzburg 1996," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1998, 185–188.
- 2004
VOSS CHR., "Südslavische Übersetzungskunst im Licht der griechischen Diglossieproblematik," in: *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция, София 26-28 юни 2003*, София, 2004, 47–8.
- WEINGART 1939
WEINGART M., "Le vocabulaire du vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec," in: *Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini*, 1: *Storia, filologia, diritto*, Roma, 1939, 564–577.

——— 1949

WEINGART M., *Československý typ církevní slovančiny, jeho památky a význam*, Bratislava, 1949.

WORTH 1983

WORTH D. S., "The 'Second South Slavic Influence' in the History of the Russian Literary Language (Materials for a Discussion)," in: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983*, 1: *Linguistics*, Columbus (OH), 1983, 349–372.

ZETT 1970

ZETT R., *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode*, Köln, Wien, 1970.

ZIFFER 1998

ZIFFER G., "Appunti sul problema della contaminazione nella letteratura slava ecclesiastica," in: *Contributi Italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia, 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 131–146.

——— 2014

ZIFFER G., "Slavia orthodoxa und Slavia romana," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1308–1319].

ZNOSKO 1996

ZNOSKO A., *Słownik cerkiewnosłowiański-polski*, Białystok, 1996.

ŽIVOV 2014

ŽIVOV V. M., "Das Kirchenslavische bei den Ostslaven," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1276–1294].

References

Aitzetmüller R., *Das Hexaëron des Exarchen Johannes*, 1–7, Graz, 1958–1975.

Aitzetmüller R., *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2., verbesserte und erweiterte Auflage, Freiburg i. Br., 1991.

Alekseev A. A., "[rev.:] Tolstoj N. I. History and Structure of Slavic Literary Languages," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1989, 149–155.

Alekseev A. A., *Textgeschichte der slavischen Bibel*, St. Petersburg et al., 1999.

Babič W., *Vpliv vzhodne cerkvene slovančine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju*, Ljubljana, 2000.

Besters-Dilger J., *Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert*, Freiburg i. Br., 1992.

Bielfeldt H. H., *Altslawische Grammatik. Einführung in die slavischen Sprachen*, Halle (Saale), 1961.

Birnbaum H., "Zur Problematik des Westkirchenslavischen," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 53–65.

Birnbaum H., Schaeken J., *Das altkirchenslavische Wort. Bildung – Bedeutung – Herleitung* (= Altkirchenslavische Studien, 1), München 1997.

Birnbaum J., Schaeken J., *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und*

Flexionsmustern) (= Altkirchenslavische Studien, 2), München, 1999.

Bobrik M. A., "Conceptions of the Correctness of Text and Language in the History of Book Emendation in Russia (XI–XVIII centuries)," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1990, 61–85.

Bobrik M., "Zwischen Ostrog und Petersburg: Die kirchenslavische Bibel im 16. – 18. Jh.," *Ostkirchliche Studien*, 60/1, 2011, 48–68.

Bonchev A., *Rečnik na tsürkovnoslavianskita ezik*, 1–2, Sofia, 2002–2012.

Bujukliev I., "Sprachbewusstsein bei den orthodoxen Slaven," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. = *The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1335–1344.

Bulanin D. M., Romanova A. A., Tvorogov O. V., Thomson Fr. J., Turilov A. A., *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (rukopisnye knigi)* (= Studiorum slavicornum orbis, 7), St. Petersburg, 2014.

Bunčić D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževič unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besëda. Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk*, München, 2006.

Christians D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenämo für den Monat Dezember. Slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 2002.

Costantini L., "Note sulla questione della lingua presso i Serbi tra il XVIII e il XIX secolo," in: *Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi*, Roma, 1972, 163–224.

Crvenkovska E. "The Primary Slavic Complex of Liturgical Books of the Byzantine Rite ("Clement's corpus") and the Formation of the Macedonian Redaction of Church Slavonic," *Slověne*, 5/2, 2016, 198–230.

Damjanović S., *Tragom jezika hrvatskih glagoljaša*, Zagreb, 1984.

Damjanović S., *Glasovi i oblici općeslavenskoga književnog jezika*, Zagreb, 1993.

Damjanović S., *Jezik otačkasi*, Zagreb, 1995.

Damjanović S., *Slovo iskona. Staroslavenska/starohrvatska čitanka*, Zagreb, 2002.

De Vincenz A., "Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission," *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988*, Köln, Wien, 1988, 273–295.

Deschler J.-P., *Kleines Wörterbuch der kirchenslavischen Sprache*, München, 2003.

Diddi Cr., "Sul problema delle traduzioni dal latino in paleoslavo (annotazioni in margine)," *Europa orientalis*, 26, 2007, 181–202.

Dinekov P., Graseva L., eds., *Kirilo-Metodievski entsiklopediia*, 1–4, Sofia, 1985–2004.

Djamo-Diaconiță L., "Redacția românească limbii slavone," in: P. Olteanu, coord., *Slava veche și slavona românească*, București, 1975, 256–301.

Dostál A., "Staroslověština jako spisovný jazyk," *Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury*, 3, 1959, 129–137.

Duichev I., Kirmagova A., Paunova A., *Kirilometodievski bibliografija, 1940–1980*, Sofia, 1983.

Durnovo N. N., "Les problèmes actuels du slave déglise," *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 21–23.

Durnovo N. N., "Sur le problème du vieux-slave," *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 139–145.

Durnovo N. N., *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000.

Filin F. P., *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1981.

Filkova P. D., *Starobolgarizmy i tserkovnoslavianizmy v leksike russkogo literaturnogo iazyka. Uchebnyi slovar'*, 1–3, Sofia, 1986.

Filkova P. D., "Starobolgarskii vklad v razvitie leksiki russkogo literaturnogo iazyka," in: *Slavianska filologija*, 19: *Ezikoznanie*, Sofia, 1988, 64–74.

Freidhof G., *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias,*

Judith, Sapientia und Makkabäer, Frankfurt a. M., 1972.

Gadžijeva S., Kovačević A., Mihaljević M., Požar S., Reinhart J., Šimić M., Vince J., *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*, M. Mihaljević, ur. (= Bibliotheca glagolitica croatica, 1), Zagreb, 2014.

Gardner, J. von., *Gesang der russisch-orthodoxen Kirche*, 1–2, Wiesbaden, 1983–1987.

Garvin P., "The Standard Language Problem—Concepts and Methods," *Anthropological Linguistics*, 1/3, 1959, 28–31.

Gerd A. S., "O sinkhronicheskom opisaniu iazyka drevneslavianskikh tsernov pis'mennosti," *Vestnik Leningradskogo universiteta. Serija 2*, 1, 1986, 62–67.

Gerd A. S., "Toward Reconstruction of the Standard Model of the Church-Slavic Language," *Sovetskoe Slavianovedenie*, 3, 1991, 64–60.

Gerd A. S., *Tserkovnoslavianskii iazyk. Lingvističeskie aspekty*, St. Petersburg, 1998.

Gerd A. S., Veder W., *Tserkovnoslavianskie teksty i tserkovnoslavianskii iazyk*, St. Petersburg, 2003.

Glibetić N., "A New 11th Century Glagolitic Fragment from St Catherine's Monastery: The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai," *Arheografski prilozci*, 37, 2015, 11–47.

Goltz H., Prochorov G. M., Hrsg., *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von starec Isaija (14. Jahrhundert)*, 5, S. Fahl, D. Fahl, Hrsg., *Untersuchungen*, Freiburg i. Br., 2013.

Gorshkov A. I., "Otechestvennye filologi o staroslavianskom i drevnerusskom literaturnom iazyke," in: *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu*, Moscow, 1987, 7–29.

Graciotti S., "Le lingue letterarie degli Slavi in epoca medievale," in: M. Capaldo, dir., *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*, 3: *Le culture slave*, Roma, 2006, 187–241.

Haarmann H., *Lexikon der untergegangenen Sprachen*, München, 2002.

Hamm J., "Hrvatski tip crkvenoslovenskog jezika," *Slovo*, 13, 1963, 43–67.

Hamm J., "Ruska redakcija u glagoljskim spomenicima," *Slovo*, 21, 1971, 213–222.

Hannick Chr., "Die Rekonstruktion der alt-slavischen Evangelien bei Josef Vajs und ihre vermeintlichen griechischen Vorlagen," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 943–958.

Hansack E., *Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung*, 1, Würzburg, 1975.

Hinrichs U., "Ist das Bulgarische kreolisierendes Altbulgarisch?" in: U. Hinrichs, U. Büttner, Hrsg., *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 2004, 231–242.

Hinrichs U., "Wann, warum und wie wurde das Bulgarische zu einer analytischen Sprache? – Ein Beitrag zur Entmystifizierung der Slavistik," *Zeitschrift für Slavistik*, 49, 2004, 381–419.

Holzer G., "Altkirchenslawisch," in: *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*, Klagenfurt, Celovec, 2002, 187–202.

Horbatsch O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryč'kyj*, Wiesbaden, 1964.

Ilyinskij G. A., *Opyt sistematičeskoj kirillo-mefodievskoj bibliografii*, Sofia, 1934.

Ivanova-Mirčeva D., "Starobŭlgarski, staroslavianski i srednebŭlgarskata redaktsiia na staroslavianski," in: *Konstantin-Kiril Filosof*, Sofia, 1969, 45–62.

Ivanova-Mirčeva D., *Starobŭlgarski rechnik*, 1–2, Sofia, 1999–2009.

Ivanova-Mirčeva D., Kharalampiev I., *Istoriia na bŭlgarskii ezik*, Veliko Tarnovo, 1999.

Issatschenko A. V., "Kakova spetsifika literaturnogo dvuiazychiia v istorii slavianskikh narodov," *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 1958, 42–45.

Jedlička A., ed., *Slovník slovanské lingvistické terminologie*, Praha, 1977.

Kämmerer H., *Untersuchungen zur Flexion der Substantive in der bulgarischen Schriftsprache des 14./15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur historischen Morphologie*, München, 1977.

Karpova V. L., Nimchuk V. V., eds., *Slovar staroslavianskogo iazyka vostochnoslavianskoi redaktsii XI–XIII vv.*, Kiev, 1987.

Karskiy E. F., *Slavianskaia kirillovskaia paleografii*, Leningrad, 1928.

Kasatkina L. L., "Tserkovnoslavianskii iazyk," in: V. N. Yartseva, ed., *Lingvističeskie entsiklopedičeskie slovar*, Moscow, 1990, 575–576.

Kasatkina L. L., "Tserkovno-slavianskii iazyk," in: Yu. N. Karaulov, ed., *Russkii iazyk. Entsiklopediia*, Moscow, 1997, 615–616.

Keipert H., *Die Adjektive auf -telъnъ. Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp*, 1–2, Wiesbaden, 1977–1985.

Keipert H., "Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte," in: *Litterae slavicae Mediae aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 143–156.

Keipert H., "Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleichbarkeit zweier mittelalterlicher Kultursprachen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 81–109.

Keipert H., "Die Christianisierung Rußlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte," in: *Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*, Göttingen, 1988, 313–346.

Keipert H., "Cerkovnoslavjanskij: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre," in: *Liki jazyka*, Moscow, 1998, 143–152.

Keipert H., "Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des »Codex Suprasliensis«,» *Prace filologiczne*, 44, 1999, 275–280.

Keipert H., "Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1999, 19–42.

Keipert H., "Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague," in: *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*, München, 1999, 123–133.

Keipert H., "Kirchenslavisch als Konstrukt," *Slavia*, 70, 2001, 374–381.

Keipert H., "Die Historizität des Slavischen in A. Ch. Vostokovs »Rassuždenie o Slavjanskom jazyke«,» in: *Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana, 2002, 109–126.

Keipert H., "Wie alt ist der Altbulgarisch-Begriff?" in: *Normen, Namen und Tendenzen der Slavia. Festschrift für K. Gutschmidt*, München, 2004, 493–500.

Keipert H., Hrsg. mit M. Š.Fajntejn, *Das „Sprache“-Kapitel in August Ludwig Schlözers „Nestors“ und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang: Josef Dobrovskýs „Slavin“-Artikel „Über die Altslawonische Sprache nach Schläzer“ und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov*, Göttingen, 2006.

Keipert K., "Cerkonoslavjanskij in verordnetem Vergessen," in: *Jezičkovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišču ob 80-letnici*, Maribor, 2006, 129–144.

Keipert K., "Das Kirchenslavisch-Kapitel in A. S. Budilovičs »Obščeslavjanskij jazyk« (1892)," *Slavia*, 78/3–4, 2009, 379–387.

Keipert H., "Kirchenslavisch-Begriffe," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1212–1252.

Kempgen S., *Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie*, München, 1995.

Khaburgaev G. A., "Staroslavianskii – tserkovnoslavianskii – russkii literaturnyi," in: *Istoriia russkogo iazyka v drevnejšii period* (= *Voprosy russkogo iazykoznanija*, 5), Moscow, 1984, 5–35.

Khaburgaev G. A., "Staroslavianskii kak iazyk srednevekovoi slavianskoi kul'tury," in: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznanija*, Moscow, 1988, 5–48.

Khaburgaev G. A., *Pervye stoletii slavianskoi pis'mennoj kul'tury. Istoki drevnerusskoi knižnosti*, Moscow, 1994.

Kloss H., "Abstandsprache und Ausbausprache," in: *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 1, Berlin, New York, 1987, 302–308.

Koch Chr., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbuns*, 1–2, München, 1990.

Kondrashov N. A., ed., *Pražskii lingvističeskii krizhok*, Moscow, 1967.

Koneski B., *Istorija na makedonskiot jazik*, Skopje, 1967.

Koporskaya E. S., *Semantičeskaja istorija slavjanizmov v ruskom literaturnom iazyke novogo vremeni*, Moscow, 1988.

Kopylenko M. M., "How Should the Language of the Earliest Slavic Written Texts Be Called?" *Sovetskoe Slavjanovedenie*, 1, 1966, 36–41.

Kravetsky A. G., Pletneva A. A., *Istorija tserkovnoslavianskogo iazyka v Rossii (konets XIX–XX v.)*, Moscow, 2001.

Kravetsky A. G., Pletneva A. A., eds., *Bol'shoi slovar' tserkovnoslavianskogo iazyka novogo vremeni*, 1, Moscow, 2016.

Krivko R. N., "Linguistic Features of the Earliest Copy of the Didactic Gospel by Constantine the Presbyteros: From the East Slavic Manuscript to the South Slavic Archetype," *Slověne*, 5/2, 2016, 340–363.

Krysko V. B., ed., *Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131*, Moscow, 2005.

Kronsteiner O., "Altbulgarisch und/oder Altkirchenslavisch. Eine Glosse zu slavistischen Benennungsmythen," *Die slavischen Sprachen*, 9, 1985, 119–128.

Kuna H., "Redakcije staroslovenskog kao literarni jezik Srba i Hrvata," *Slovo*, 15–16, 1965, 183–199.

Likhachev D. S., *Tekstologija (na materiale ruskoj literatury X–XVII vv.)*, Moscow, Leningrad, 1962.

Lozovaya I. E., Shevchuk E. Yu., "Tserkovnoe penie," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia. Russkaia pravoslavnaia tserkov'*, Moscow, 2000, 599–610.

Ludogovskiy F. B., "Sovremenniy tserkovnoslavianskii mineinyi korpus: sostav i struktura," in: A. M. Moldovan, A. G. Kravetsky, eds., *Lingvističeskoe istočnikovedenie i istorija russkogo iazyka. 2002–2003*, Moscow, 2003, 500–528.

Lukan W., "Bartholomäus Kopitars »Bibliothekarischer Bericht« – Ein Dokument des Austroslawismus und die Probleme seiner Veröffentlichung," *Österreichische Osthefte*, 37/1, 1995, 147–194.

Malkova O. V., "Drevnerusskoe liturgičeskoe proiznošenje v iuzhnoi Rusi v XII–XIII vv.," in: *Drevnerusskii literaturnyj iazyk v ego otnošenii k staroslavianskomu*, Moscow, 1987, 129–143.

Mareš Fr. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*, München, 1979.

Mareš Fr. V., "Vom Urslavischen zum Kirchen-slavischen," in: *Einführung in die slavischen Sprachen*, Darmstadt, 1986, 1–19.

Mareš Fr. V., "Die neukirchenslavische Sprache des russischen Typus und ihr Schriftsystem," in: P. A. Giljebbrandt, *Spravočnyj i ob'jasnitel'nyj slovarj k Novomu Zavetu. Nachdruck*, 2, München, 1988, v–xxxvii.

Mareš Fr. W., "Altkirchenslavische Lexikographie," in: *Wörterbücher [...] Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*, 2, Berlin, New York, 1990, 2255–2268.

Marti R., "Archaismen im Altrussischen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 111–124.

Marti R., "La langue de Constantine-Cyrille et Méthode," *Cyrrilomethodianum*, 11, 1987, 89–102.

Marti R., "Slavia orthodoxa als literar- und sprachhistorischer Begriff," in: *Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages. In Memoriam Ivan Dujčev* (= Studia slavico-byzantina et mediaevalia europensia, 1), Sofia, 1988, 193–200.

Marti R., "Wirkungsgeschichte des Kirchenslavischen," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1326–1335.

Mathauserová S., *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* (= Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographia, 63), Prague, 1976.

Mathiesen R., "Bible, Church Slavonic," in: *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literature*, 3, Gulf Breeze, 1979, 5–12.

Mathiesen R., "The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries)," in: *Aspects of the Slavic Language Question. 1: Church Slavonic–South Slavic–West Slavic*, New Haven, 1984, 46–65.

Mathiesen R., "The System and Nature of Church Slavonic Literature (Fifty Theses)," in: *Slavia Orthodoxa & Slavia Romana. Essays Presented to Riccardo Picchio by his Students on the Occasion of his Eightieth Birthday*, New Haven, 2008, 175–207.

Meshcherskiy N. A., ed., Gerd A. S., Kaporulina L. V., Kolesov V. V., Ruskova M. P., Cherepanova O. A., *Imennoe sklonenie v slavianskikh iazykakh XI–XIV vv. Lingvostatističeskij analiz po materialam pamiatnikov drevneslavianskoi pis'mennosti*, Leningrad, 1974.

Meshcherskiy N. A., ed., Gerd A. S., Kaporulina L. V., Kolesov V. V., Ruskova M. P., Cherepanova O. A., *Imennoe sklonenie v slavianskikh iazykakh XV–XVI vv. Lingvostatističeskij analiz po materialam pamiatnikov drevneslavianskoi pis'mennosti*, Leningrad, 1977.

Mihaljević M., Reinhart J., "The Croatian Redaction: Language and Literature," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 31–82.

Miklas H., Hrsg., *Glagolitica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur* (= Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41), Wien, 2000.

Miklas H., Sadovski V., "Die Struktur des Altkirchenslavischen," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen*.

Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation, 2, Berlin, New York, 2014, 1252–1275.

Milanović A., *Kratka istorija srpskog književnog jezika*, Belgrade, 2004.

Mincheva A., *Starobŭlgarskii ezik v svetlinata na balkanistikata*, Sofia, 1987.

Mirchev K., *Istoričeska gramatika na bŭlgarskii ezik*, Sofia, 1978.

Mironova T. L., *Khronologiia staroslavianskikh i drevnerusskikh rukopisnykh knig X–XI vv.*, Moscow, 2001.

Mladenov S., *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin, Leipzig, 1929.

Mladenov S., *Istoriia na bŭlgarskii ezik*, Sofia, 1979.

Mladenov S., "Poslednite vŭzrazheniia protiv starobŭlgarskoto ime na kirilo-metodievii ezik s ogleđ kŭm novobŭgarski," *Prace filologiczne*, 15/2, 1931, 305–335.

Mladenović A., "Odnos između domaćih i rusko-slovenskih elemenata u književnom jeziku kod Srba pre njegove Vukovske standardizacije," *Zbornik za filologiju i lingvistiku*, 12, 1969, 43–51.

Moldovan A. M., "Paleoslavianskaia leksikografii," in: *Slavianskaia istoričeskaia i etimologičeskaia leksikografiia (1970–1980 gg.): itogi i perspektivy*, Moscow, 1986, 18–28.

Mozhaeva I. E., *Bibliografiia po kirillo-mefodievskoi problematike, 1945–1974 gg.*, Moscow, 1980.

Nazor A., "Die glagolitische Schrift," in: *Drei Sprachen, Drei Sprachen. Kroatische Schriftdenkmäler und Drucke durch Jahrhunderte*, Zagreb, 2002, 31–49, 251–257.

Nimchuk V. V., ed., *Leksy Lavrentiia Zizaniia. Synonima slavenorosskaia*, Kiev, 1964.

Onasch K., *Einführung in die Konfessionskunde der orthodoxen Kirchen*, Berlin, 1962.

Picchio R., "Slave ecclésiastique, slavons et rédactions," in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventeenth Birthday*, 2, The Hague, Paris, 1967, 1527–1544.

Picchio R., "Church Slavonic," in: *The Slavic Literary Languages*, New Haven, 1980, 1–33, 248–252.

Picchio R., "On Church Slavonic Isonorms," *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 25–26, 1982, 367–379.

Picchio R., "Slavia ortodossa e Slavia romana," in: idem, *Letteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.)*, Bari, 1991, 7–83.

Picchio R., "Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' and 'Roman Slavic' Variants of Slavic Culture," in: *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 1–23.

Picchio R., *Slavia orthodoxa: Literatura i iazyk*, Moscow, 2003.

Picchio R., Goldblatt H., "Guidelines to the Study of the Literary Civilization of Orthodox Slavdom," *Miscellanea Slavica*, Moscow, 2008, 66–85.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheski aspekt*, Moscow, 2011.

Plähn J., *Die Wortabkürzungen des Oktoich učebnyj von 1915*, Wiesbaden, 1973.

Plähn J., "Das moderne russische Kirchenslavisch als linguistischer Gegenstand," *Zeitschrift für slavische Philologie*, 38, 1975, 90–110.

Plähn J., *Der Gebrauch des Modernen Russischen Kirchenslavisch in der Russischen Kirche*, Hamburg, 1978.

Popruzenko M. G., Romanski S., *Kirilometodievskaja bibliografiia za 1934–1940 god*, Sofia, 1942.

Reinhart J., "Das Kroatisch-Kirchenslavische," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1294–1308.

Robinson M., "Vliianie ideologii na izučenie literatury russkogo srednevekov'ia," in: *Veda a ideológia v dejniach slavistiky. Materiály z konferencie Stará Lesná, September 1997*, Bratislava, 1998, 122–135.

Sadnik L., *Des Hl. Johannes von Damaskus Ekdosis akribēs tēs orthodoxosou pisteōs in der Übersetzung des Exarchen Johannes, 4: Index und rückläufiges Wörterverzeichnis*, R. Aitzetmüller, Hrsg., Freiburg i. Br., 1983.

Sadnik L., Aitzetmüller R., *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 's-Gravenhage, 1955.

Savić V., "The Serbian Redaction of the Church Slavonic Language: From St. Clement, the Bishop of the Slavs, to St. Sava, the Serbian Archbishop," *Slověne*, 5/2, 2016, 231–339.

Savić V., Jovanović G., *Srpskoslovenski rečnik jevanđelja. Ogleđna sveska*, Belgrade, 2007.

Schramm G., *Slawisch im Gottesdienst. Kirchensprache und neue Schriftsprachen auf dem Weg zu einem christlichen Südosteuropa*, München, 2007.

Shakhmatov A. A., *Očerok sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, Leningrad, 1925.

Shchepkin V. N., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1918.

Shmidt S. O., ed., *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khраниashchikhisia v SSSR. XI–XIII vv.*, Moscow, 1984.

Šachmatov A. A., Shevelov G. Y., *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden, 1960.

Sedakova O. A., *Tserkovnoslaviano-russkie paronimy: Materialy k slovari*, Moscow, 2005.

Sedakova O. A., *Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniia: Tserkovnoslaviano-russkie paronimy*, Moscow, 2008.

Siromakha V. G., Uspenskij B. A., "Kavychnye knigi 50-kh gg. XVII veka," in: *Arkhograficheskie ezhegodnik za 1986 god*, Moscow, 1987, 75–84.

Stankiewicz E., Worth D. S., *A Selected Bibliography of Slavic Linguistics*, 1, The Hague, Paris, 1964.

Suprun A. E., Moldovan A. M., "Staroslavianskii i tserkovnoslavianskii iazyk," in: *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*, Moscow, 2005, 29–69.

Talev I., *Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia*, München, 1973.

Taseva L., Voss Chr., "Altkirchenslavische Übersetzungen aus dem Griechischen," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 101–117.

Theissen U., *Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch*, Salzburg, 1996.

Thomson Fr. J., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations," in: *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress Held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985*, Roma, 1988, 351–380.

Thomson Fr. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 605–920.

Tolstoj N. I., "Old Slavonic as a Common Literary Language of the Southern and Eastern Slavs," *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 1961, 52–66.

Tolstoj N. I., "Rol' drevneslavianskogo literaturnogo iazyka v istorii russkogo, serbskogo i bolgarskogo literaturnykh iazykov v XVII–XVIII vv.," in: *Voprosy obrazovaniia vostochnoslavianskikh natsionalnykh iazykov*, Moscow, 1962, 5–21.

Tolstoj N. I., "Vzaimootnoshenie lokalnykh tipov drevneslavianskogo literaturnogo iazyka pozdnego perioda (vtoraia polovina XVI–XVII vv.)," in: *Slavianskoe iazykoznanie, 5-i Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovet'skoi delegatsii*, Moscow, 1963, 230–272.

Tolstoj N. I., "Starinnye predstavleniia o narodno-iazikovoi baze drevneslavianskogo literaturnogo iazyka (XVI–XVII vv.)," in: *Voprosy russkogo iazykoznanija*, 1, Moscow, 1976, 177–204.

Tolstoj N. I., "Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku," in: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 8, Belgrade, 1978, 15–25.

Tolstoj N. I., "Drevniaia slavianskaia pis'mennost' i stanovlenie etnicheskogo samosoznaniia u slavian," in: *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia*, Moscow, 1982, 236–249.

Tolstoj N. I., *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Tolstoj N. I., "Drevneslavianskii literaturnyi iazyk v XII–XIV vv. (ego funktsii i spetsifika)," in: *Razvitie*

etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma, Moscow, 1989, 14–24.

Tolstoj N. I., "Staroslavianskii iazyk," in: V. N. Yartseva, ed., *Lingvisticheskie entsiklopedicheskie slovar'*, Moscow, 1990, 491–492.

Tolstoj N. I., "Slavia orthodoxa i Slavia latina. Obsheche i razlichnoe v literaturno-iazikovoi situatsii (opyt predvaritel'noi otsenki)," *Ricerche slavistiche*, 42, 1995, 89–102.

Tomelleri V. S., "Traduzioni dal latino nella Slavia ortodossa," in: M. Capaldo, dir., *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*, 3: *Le culture slave*, Roma, 2006, 499–520.

Tot I., *Russkaia redaktsiia drevnebolgarskogo iazyka v kontse XI – nachale XII vv.*, Sofia, 1985.

Trost K., *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*, München, 1978.

Trubetzkoy N. S., *K probleme russkogo samopoznaniia*, Paris, 1927.

Trunte N. H., *Slavenskii jazyk. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie*, 2: *Mittel- und Neukirchenslavisch*, München, 1988.

Trunte N. H., *Slověnsk'j jazyk. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie*, 1: *Altkirchenslavisch*, 5., völlig neu bearbeitete Auflage, München, 2003.

Trunte N. H., "Von Levaković zu Karaman. Die Überwindung der babylonischen Sprachverwirrung bei den Kroaten," in: *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher*, München, Berlin, 2009, 295–319.

Trunte N., "Neukirchenslavisch," in: K. Guttschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1320–1326.

Turilov A. A., "Dukhovnaia literatura i pis'mennost'. X–XVII vv.," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia. Russkaia pravoslavnaia tserkov'*, Moscow, 2000, 372–406.

Turilov A. A., *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khраниashchikhsia v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek*, 1, Moscow, 2002.

Uspenskij B. A., *Arkhaischeskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia. (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniia v Rossii)*, Moscow, 1968.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen. (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Uspenskij B. A., "Drevnerusskie kondakari kak foneticheskii istochnik," in: *Slavianskoe iazykoznanie. 7-oi Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady*

sovetskoj delegatsii, Moscow, 1973, 314–346

Uspenskij B. A., *Iazykovaia situatsii Kievskoi Rusi i ee znachenie dlia istorii russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1983.

Uspenskij B. A., "Staroslavianskii i tserkovnoslavianskii," in: *Aktual'nye problemy izuchenia i prepodavaniia staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 1984, 43–53.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkogo literaturnogo iazyka XVIII – nachala XIX veka. Iazykovaia programma Karamzina i ee istoricheskie korni*, Moscow, 1985.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, München, 1987.

Uspenskij B. A., "Russkoe knizhnoe proiznoshenie XI–XII vv. i ego sviaz' s iuzhnoslavianskoi traditsiei (chtenie erov)," in: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznaniiia*, Moscow, 1988, 99–156

Uspenskij B. A., "M. V. Lomonosov o sootnoshenii tserkovnoslavianskogo, drevnerusskogo i 'drevnego slavianskogo' iazykov," *Kalbotyra: Mokslo darbai*, 39/2, 1988, 13–20.

Uspenskij B. A., "The History of the Russian Literary Language as an Inter-Slavic Field of Research," *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 1995, 121–142.

Uspenskij B. A., *Izbrannye trudy*, 3, Moscow, 1997.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002.

Večerka R., *Staroslověnština*, Praha, 1984.

Večerka R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, 1–5, Freiburg i. Br., 1989–2003.

Veder W. R., "Dead on Arrival. Why Church Slavic Would Not Be Reanimated," in: *Speculum Slaviae Orientalis. Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, Moscow, 2005, 222–231.

Vendina T. I., *Srednevekovi chelovek v zerkale staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 2002.

Venediktov G. K., "Soviet-Bulgarian Discussions on Some Questions of Contemporary Paleo-Slavics," *Slavianovedenie*, 2, 2007, 58–94.

Vereshchagin E. M., "Problemy istorii drevneslavianskogo i russkogo literaturnogo iazykov," *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 48/2, 1989, 126–136.

Vereshchagin E. M., *Istoriia vznikenoveniia drevneslavianskogo literaturnogo iazyka. Perevodchenskaia deiatel'nost' Kirilla i Mefodiia i ikh uchenikov*, Moscow, 1997.

Vereshchagin E. M., *Tserkovnoslavianskaia knizhnost' na Rusi. Lingvoteknologicheskie razyskaniia*, Moscow, 2002.

Vinogradov V. V., ed., *Bibliograficheskii ukazatel' po russkomu iazykoznaniiu s 1825 po 1880 god*, 3, Moscow, 1955.

Voss Chr., *Die Paränesis Ephraim des Syrers in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung*, Freiburg i. Br., 1997.

Voss Chr., "[Rez. zu:] Theissen, Ulrich: Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch. Salzburg 1996," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1998, 185–188.

Voss Chr., "Südslavische Übersetzungskunst im Licht der griechischen Diglossieproblematik," in: *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite*, Sofia, 2004, 47–48.

Voznesenskij A. V., *Starobriadcheskie izdaniia XVIII – nachala XIX veka. Vvedenie v izuchenie*, St. Petersburg, 1996.

Weingart M., "Le vocabulaire du vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec," in: *Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini*, 1: *Storia, filologia, diritto*, Roma, 1939, 564–577.

Weingart M., *Československý typ církevní slovančiny, jeho pamiatky a význam*, Bratislava, 1949.

Worth D. S., "The 'Second South Slavic Influence' in the History of the Russian Literary Language (Materials for a Discussion)," in: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983*, 1: *Linguistics*, Columbus (OH), 1983, 349–372.

Zapolskaya N. N., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka. Metodicheskie ukazaniia dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov*, Moscow, 1991.

Zett R., *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode*, Köln, Wien, 1970.

Zhivov V. M., "Rol' russkogo tserkovnoslavianskogo v istorii slavianskikh literaturnykh iazykov," in: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznaniiia*, Moscow, 1988, 49–98.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zhivov V. M., "O tserkovnoslavianskom iazyke," in: A. A. Pletneva, A. G. Kravetsky, *Tserkovno-slavianskii iazyk*, Moscow, 1996, 12–23.

Zhivov V. M., "Pervyi literaturnyi iazyk slavian," *Ricerche slavistiche*, 45–46, 1998–1999, 99–136.

Zhivov V. M., "N. N. Durnovo i ego idei v oblasti slavianskogo istoricheskogo iazykoznaniiia," in: N. N. Durnovo, *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000, 7–37.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Zhivov V. M., *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., "[rev.:] Gerd A. S., Lingvisticheskaiia tipologiiia drevneslavianskikh tekstov. St. Petersburg, 2008," *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1, 2009, 312–314.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1–2, Moscow, 2017.

Zhukovskaya L. P., "Monuments of the Russian and Slav Writing of the XI–XIV Centuries at the Soviet Libraries," *Sovetskoe Slavianovedenie*, 1, 1969, 57–71.

Zhukovskaya L. P., *Tekstologija i iazyk drevnei-shikh slavianskikh pamiatnikov*, Moscow, 1976.

Zhukovskaya L. P., "Gretsizatsiia i arkhazatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1-i pol. XVI v. (Ob oshibochnom poniatii 'vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie')," in: *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu*, Moscow, 1987, 144–176.

Ziffer G., "Appunti sul problema della contaminazione nella letteratura slava ecclesiastica," in: *Contributi Italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia, 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 131–146.

Ziffer G., "Slavia orthodoxa und Slavia romana," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer*

Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation, 2, Berlin, New York, 2014, 1308–1319.

Znosko A., *Słownik cerkiewnosłowiański-polski*, Białystok, 1996.

Živov V. M., "Das Kirchenslavische bei den Ostslaven," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1276–1294.

Živov V. M., Keipert H., "The Importance of I. V. Paus's Grammar for the Development of Russian Grammatical Tradition," *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 1996, 3–30.

Prof. Dr. Dr. h.c. **Helmut Keipert**
 Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität
 Abteilung für Osteuropäische Geschichte
 Adenauerallee 4-6
 53113 Bonn
 Deutschland/Germany
 h.keipert@uni-bonn.de

Перевод с немецкого:

Марина Анатольевна Бобрик, канд. филол. наук
 Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
 доцент Школы лингвистики Факультета гуманитарных наук
 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
 Россия/Russia
 marina.bobrik@online.de

Received December 26, 2016